

eISSN 2311-2468
Том 8, № 14. 2020
Vol. 8, no. 14. 2020

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ГИНЗБУРГ И. В., СИНЯКИН С. В.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ СТОРОН ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей заключения договора поставки, проблемам признания договора незаключенным, существенным условиям договора. Посредством анализа судебной практики выявлены наиболее распространенные примеры проявления недобросовестного поведения сторон при заключении и исполнении договора поставки.

Ключевые слова: договор поставки, эстоппель, существенные условия договора, принцип добросовестности.

GINZBURG I. V., SINYAKIN S. V.

CONSCIENTIOUSNESS OF PARTIES

AT CONCLUSION OF DELIVERY CONTRACT

Abstract. This article considers the features of concluding a delivery contract and the essential terms of such contract. The authors focus on the problems of recognizing the contract as not concluded. Through the analysis of relevant judicial practice, the typical examples of unfair behavior of the parties at the conclusion and performance of the delivery contract are identified.

Keywords: delivery contract, estoppel, essential terms of contract, principle of good faith.

С точки зрения сложившейся судебной практики признание абсолютно любого договора заключенным является очень важным аспектом в рамках взаимоотношения сторон.

Для того чтобы договор считался заключенным, лица, заключающие его, должны обладать волей и выразить волеизъявление на его заключение; содержание договора не должно противоречить нормам права, требованиям законов; при заключении договора необходимо соблюдать условия, относящиеся к форме его заключения.

Воля должна соответствовать волеизъявлению. Совершение сделок лицом, не обладающим дееспособностью в объеме, необходимом для заключения сделки, влечет ее недействительность. Юридические лица должны обладать правоспособностью.

Не менее важным условием признания договора заключенным является отражение в нем всех существенных условий. Существенными называются условия, предусмотреть которые в договоре необходимо ввиду их обязательности. Если не будет достигнуто соглашение хотя бы по одному из существенных условий, договор может быть признан незаключенным.

В 2013 году была проведена реформа гражданского законодательства, в частности была реформирована глава 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, именуемая

«Сделки». В связи с этим статья 166 ГК РФ была дополнена пунктом 5, который ограничил права недобросовестных участников гражданского оборота в части признания сделок недействительными. Данное правило называется принципом эстоппель. Эстоппель представляет собой запрет на противоречивое поведение.

С 1 июня 2015 г. был скорректирован п. 3 статьи 432 ГК РФ. Сторона не вправе требовать признания договора незаключенным в случае, когда она приняла от другой стороны полное или частичное исполнение либо иным образом подтвердила действие договора, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности.

М. А. Филатова отмечает, что договор поставки является истинно российским, самостоятельным договором, опосредующим предпринимательскую деятельность и не имеющим аналогов в зарубежном законодательстве [2, с. 35]. С точки зрения гражданского законодательства договор поставки является разновидностью договора купли-продажи, специфика которого заключается в том, что его сторонами могут выступать только профессиональные участники гражданского оборота, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Добросовестность профессиональных участников гражданского оборота – это основа стабильной экономики, однако говорить о том, что стороны всегда действуют добросовестно на стадии заключения и последующей реализации заключенного договора не приходится. Подтверждает это сложившаяся судебная арбитражная практика.

Так, А. Бычков обращает внимание, что в последнее время заключение договора с несуществующими организациями – далеко не редкость [1, с. 13]. Если договор заключен до момента регистрации организации в ЕГРЮЛ или в процессе исполнения договора организация исключена, договор является ничтожным. Признать договор недействительным – это право того лица, которое действовало добросовестно при заключении сделки. Учитывая, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного поведения, суды по требованию добросовестной стороны могут обязать исполнить соглашение лицом, подписавшим договор от имени несуществующей организации.

Приведем пример. Так, на рассмотрение Арбитражного суда Республики Мордовия было представлено исковое заявление ООО «Р» к ООО «С» о взыскании задолженности по договору поставки. В обоснование заявленного требования истец предоставил товарную накладную, подтверждающую отгрузку товара на определенную сумму. При этом сам договор поставки истцом представлен не был. Истец указал о том, что между сторонами фактически был заключен договор поставки, а принятие покупателем товара означает, что у

сторон не возникло трудностей с определением предмета договора. Полное принятие покупателем исполнения от другой стороны подразумевает, что договор поставки заключен и к стороне, не исполнявшей свою часть обязательства, могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности. Суд принял исковое заявление в порядке упрощенного производства. Это означало, что дело планировалось рассмотреть в ускоренном порядке без вызова сторон. Однако, ознакомившись с иском, покупатель пришел к выводу, что договор заключенным быть не может, т.к. товарная накладная подписана лицом, не имеющим ни трудовых, ни гражданско-правовых отношений с организацией-покупателем. Печать на товарной накладной не соответствует печати организации. Арбитражный суд Республики Мордовия при рассмотрении всех представленных документов со стороны истца и ответчика сделал вывод, что само по себе наличие на товарной накладной отиска печати покупателя не имеет правового значения и не подтверждает факта получения товара, указанного в товарной накладной, ответчиком. В иске было отказано в полном объеме.

Таким образом, из представленного примера можно сделать вывод, что при отгрузке товара по фактической договоренности между сторонами необходимо проверить полномочия лица, который принимает товар:

- является ли он руководителем организации, который вправе действовать без доверенности на основании устава;
- является ли он представителем организации, уполномоченным на совершение сделок, состоит ли он в трудовых отношениях с организацией и т.д.

Поставщик данные обстоятельства не проверил, копии документов, подтверждающих право лица на прием товара, не сделал, в связи с чем факт поставки товара именно ответчику доказать не смог [3].

Существенными условиями договора поставки являются условия о его предмете и сроке. Предметом договора поставки являются товары, которые производятся непосредственно поставщиком или закупаются им для последующей реализации. Товар, приобретаемый на основании договора поставки, не должен быть использован для удовлетворения личных, семейных и бытовых нужд, т.к. цель, которую преследуют стороны при заключении данного договора, связана именно с осуществлением предпринимательской деятельности. На условие о товаре распространяют свое действия нормы о наименовании товара, его качестве, ассортименте, количестве и т.д., содержащиеся в общих положениях договора купли-продажи. Перечисленные характеристики товара могут быть отражены как в самом договоре, так и в спецификации, которая является неотъемлемой частью договора.

Согласование предмета договора поставки на практике нередко вызывает трудности.

До изменений гражданского законодательства в части закрепления материально-правового эстоппеля, стороны несли определенные риски в случае неполного отражения в договоре поставки его предмета. Так, суды приходили к мнению, что, если предмет договора не согласован в части наименования товара и его количества, то договор считается незаключенным. Стороны лишались права на предъявление требований о неустойке за несвоевременное исполнение обязательств по договору. С 2015 года в случае неполного отображения в договоре поставки характеристик товара, но фактического принятия его покупателем, договор не может быть признан незаключенным.

Срок по договору поставки также считается существенным условием. Срок исполнения обязательства зависит от того, как он определен в договоре. Сроки в гражданском праве можно классифицировать на императивные и диспозитивные; определенные и неопределенные, общие и частные. Определенные сроки основаны на указании начала и окончания, точного промежутка времени либо точного указания на конкретное событие или момент. Неопределенные сроки характеризуются указанием на какие-либо приблизительные координаты: «в разумный срок», «заблаговременно» и т.д. Для всех сроков действует общеобязательное правило о начале их течения: на следующий день после календарной даты или наступления события, которым определено его начало (ст. 191 ГК РФ).

Приведем пример. Так, на рассмотрении Арбитражного суда Пензенской области было направлено исковое заявление ФГБОУ ВО «М» к ООО «Ос» о расторжении договора поставки и взыскании неустойки. ООО регулярно нарушал сроки поставки товара, а часть товара не была поставлена вовсе, что послужило поводом к обращению с иском заявлением. В ответ на предъявленное исковое заявление ответчик отметил, что ряд позиций по спецификации требовал согласования с заказчиком по цвету. Покупатель, по мнению ответчика, чинил препятствия в исполнении договора, т.к. не назначал уполномоченное лицо по согласованию позиций, не подписывал товарные накладные на поставленный товар. Истец в обоснование своей позиции отметил, что согласно спецификации десять позиций требовали согласования, из которых фактически принятыми были восемь. В связи с тем, что ответчиком были поставлены позиции, требующие согласования, а истцом приняты, договор не может быть признан незаключенным. Доказательств того, что истец каким-либо образом чинил препятствия по согласованию позиций, ответчик не представил. После нарушения всех сроков поставки ответчик уведомил об отсутствии согласования ряд позиций по договору, однако к этому времени большая часть товара, требующего согласования, была фактически принята истцом. Таким образом, ответчик пытался вести себя недобросовестно как на стадии заключения договора, так и на стадии его исполнения. При частичном

исполнении обязательств каждой стороной договора, последний не может быть признан незаключенным.

Рассматриваемый спор примечателен также тем, что покупатель вел себя в определенной части недобросовестно. В определенный период исполнения обязательств по договору истец направил письмо, содержащее просьбу о приостановлении поставки в связи с отсутствием у него денежных средств. Ответчик попросил учесть суд этот факт и не рассчитывать неустойку за указанный период. Истец указал, что согласно заключенному договору поставки все изменения и дополнения к договору оформляются в письменной форме и считаются действительными, если они подписаны уполномоченными представителями сторон. Дополнительное соглашение о продлении сроков поставки между сторонами не заключалось, соответственно, письмо с просьбой о приостановлении поставки на определенный период юридической силы не имеет. Суд принял во внимание обе позиции и не взыскал неустойку за указанный период с учетом принципа добросовестности сторон.

Еще один спорный вопрос связан с местом исполнения обязательства. Место исполнения обязательства не является существенным условием договора поставки. Однако с точки зрения практики данный вопрос актуален в силу возможных злоупотреблений участников гражданского оборота.

Согласно п. 2 ст. 458 ГК РФ, место исполнения в контексте договора купли-продажи фиксируется в тех случаях, когда договор не предусматривает ни возложение бремени доставки на продавца, ни самовывоз, но при этом сама необходимость перевозки не ставится под сомнение. Данный вопрос актуален, в том числе, в рамках возложения рисков гибели товара на одну из сторон. Необходимо отметить, что однозначная судебная практика по данному вопросу до сих пор не сложилась. Поэтому сторонам рекомендуется фиксировать вопрос о месте исполнения обязательства по передаче товара в договоре.

Приведем в пример реальную ситуацию. Так, между ООО «Роял» и ИП А. О. И. был заключен договор поставки холодильного оборудования. Поставщик обязан был осуществить поставку холодильного оборудования, запасных частей и материалов, а также компонентов для системы охлаждения и кондиционирования. Холодильное оборудование, поставленное с помощью перевозчика, было разбито, эксплуатирование товара было невозможным. ИП реализует «цветочный бизнес», к моменту поставки товара была произведена закупка цветов, которые было невозможно хранить в виду поставки разбитого холодильного оборудования.

Покупатель незамедлительно поставил в известность продавца о том, что товар ненадлежащего качества. Товар не принимался покупателем, в виду чего перевозчик хранил оборудование у себя. В случае получения поставленных товаров от транспортной

организации покупатель (получатель) обязан проверить соответствие товаров сведениям, указанным в транспортных и сопроводительных документах, а также принять эти товары от транспортной организации с соблюдением правил, предусмотренных законами и иными правовыми актами, регулирующими деятельность транспорта.

Тем не менее, переговоры не привели к положительному результату в виду того, что в договоре не было указано место исполнения, продавец, сославшись на нормы гражданского законодательства, отметил, что исполнил своё обязательство с момента передачи груза перевозчику. В результате последовали судебные процессы, поиск надлежащего ответчика и убытки [4].

Таким образом, исходя из анализа судебной практики, недобросовестное поведение сторон по договору поставки – это распространенная проблема. Отражение в договоре всех существенных условий имеет практическое значение, т.к. недобросовестная сторона может воспользоваться ситуацией в своих интересах. Суд же при наличии спора о заключенности договора должен оценивать обстоятельства дела исходя из принципа добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленного статьей 10 Гражданского кодекса РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков А. Заключение сделки с несуществующей организацией // ЭЖ-Юрист. – 2017. – №44. – С. 13-21.
2. Филатова М. А. Гражданско-правовое регулирование договора поставки: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 197 с.
3. Решение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу №А39-7484/2016 от 21 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения 12.09.2020).
4. Решение Арбитражного суда Самарской области по делу А55-5665/2019 от 28 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения 12.09.2020).

АГРАШЕВА О. Е., ГИНЗБУРГ И. В.

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению процедуры признания иностранных судебных решений российскими судами. Понимание данной процедуры раскрывается как с теоретических позиций такого института международного частного права, как международное процессуальное право, так и с практических позиций российского законодательства и судебной власти.

Ключевые слова: международное процессуальное право, производство по делам с участием иностранных лиц, признание иностранных судебных решений.

AGRASHEVA O. E., GINZBURG I. V.

ON RECOGNITION OF FOREIGN COURT RULINGS BY RUSSIAN COURTS

Abstract. The article considers the recognition procedure of foreign court rulings by Russian courts. The understanding of this procedure is revealed both from theoretical viewpoint of such institution of international private law as international law of procedure and from practical viewpoint of the Russian legislation and judicial power.

Keywords: international law of procedure, proceeding in cases with participation of foreign persons, recognition of foreign court ruling.

С развитием международного экономического сотрудничества неизбежно увеличивается и количество судебных споров, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств сторонами в рамках такого сотрудничества. Основная сложность, присущая данному типу споров, состоит в том, что здесь всегда тем или иным образом задействован иностранный элемент, а значит, сразу же возникает целый ряд вопросов процессуального характера: как определяется подсудность? каков порядок извещения сторон? каким образом признаются решения судов иностранных государств? каким образом таковые исполняются, и исполняются ли вообще? кто следит ответственным за эффективную реализацию этой процедуры? и т.п. В данной работе мы постараемся осветить один из таких вопросов, касающийся признания решений иностранных судов на территории Российской Федерации.

К вопросу о том, что из себя представляет признание решения, можно подходить по-разному. В первую очередь, признание иностранных судебных решений является одной из составляющих предмета международного процессуального права (в частности, гражданского и арбитражного). Подтверждение данной позиции мы находим не только в научной

литературе [1; 4], но и посредством анализа международных правовых актов. Например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в Минске 22 января 1993 года, охватывает целый ряд вопросов, среди которых отдельное внимание уделено признанию иностранных судебных решений, что сегодня позволяет участникам экономического оборота из стран бывшего СССР взаимодействовать в правовом поле наиболее оперативно. Ещё один документ, действующий в отношениях со странами СНГ, – это Киевское Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года, которое так же предусматривает порядок взаимного признания судебных решений. Своё регулирование существует и на территории Европейского Союза – здесь действует Регламент Европейского парламента и Совета ЕС от 12.12.2012 г. №1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [6].

Во-вторых, признание иностранного судебного решения можно понимать одновременно и как одну из заключительных стадий, которую проходит судебное дело, и как отдельную, регламентированную посредством нормативно-правовых актов национального и (или) международного характера, процедуру. В самом общем смысле, признание судебного решения – это придание решению иностранного суда той же юридической силы, которой обладают решения национальных судов [3, с. 137]. Однако, возникает вопрос о практической значимости данной процедуры. С одной стороны, признание решения представляется ключевым этапом, поскольку только после него возможно исполнение решения – то, что объективно свидетельствует об эффективности функционирования судебной системы в целом. С другой стороны, исполнение решений не всегда является обязательным в силу специфики конкретных спорных правоотношений (например, статья 415 ГПК РФ). Кроме того, некий переходный характер процедуры ставит под вопрос необходимость её существования. Так, например, если бы решения иностранных судебных судов сразу, «напрямую» подлежали бы исполнению, то это, как минимум, ускорило бы разрешение спорных ситуаций, восстановление нарушенных прав. Если мы обратимся к выше названному Регламенту Европейского парламента и Совета ЕС, то увидим, что взаимное признание решений в странах, образующих ЕС, практически предусматривается по умолчанию, поскольку для исполнения решения необходимо только предоставить копию решения и специальный сертификат, по которому решение подлежит исполнению [6]. Однако, в научной сфере считается, что такое восприятие рассматриваемой процедуры лишено правового смысла, оно, главным образом, служит политическим целям. То есть необходимо понимать, что в представленном случае речь идёт не об универсальных

документах и (или) принципах международного процессуального права. Это лишь некий политический инструмент регулирования отношений между конкретными странами, связанными либо обязательствами по одному конкретному соглашению, либо долгосрочным сотрудничеством в рамках различных альянсов. Говорить об обязанности признавать иностранные судебные решения в глобальном смысле, безотносительно к каким-то конкретным странам, некорректно [2; 5].

Что касается непосредственно Российской Федерации, то согласно ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» постановления иностранных судов (в т.ч. международных судов и арбитражей) обязательны только в тех случаях, когда это зафиксировано в международном договоре. Данная позиция нашла своё отражение и в процессуальных кодексах. В качестве примера обратимся к гражданскому и арбитражному судопроизводству, и, соответственно, к положениям глав 45 ГПК РФ и 31 АПК РФ. Во-первых, мы видим, что признание решений всегда сопряжено с исполнением (за исключением случаев, когда речь идёт о решениях, которые не требуют принудительного исполнения, и решений, которые не требуют дальнейшего производства). То есть, фактически, решение признаётся автоматически, если оно принято к исполнению. Данное заключение подтверждается анализом формулировок положений об отказе в признании и исполнении решений (статьи 412 ГКП РФ и 244 АПК РФ), из чего следует, что имеется один общий перечень для отказа одновременно в признании и исполнении. То есть законодатель не предусматривает конструкцию, в которой, например, в ответ на ходатайство о признании и исполнении решения суд выносит постановление о признании решения, но отказе в его исполнении в связи с причинами, перечисленными в законе.

Относительно случая, когда речь идёт только о признании решения, то подобная процедура имеет довольно простую, линейную логику. Так, решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения относительно этого. Возражения направляются в течение месяца после того, как лицу стало известно о решении иностранного суда. При получении таковых назначается открытое судебное заседание, по результатам которого выносится соответствующее определение. А вот основания для отказа в признании такового совпадают с основаниями отказа в признании и исполнении решений, т.е. речь идёт о статьях 412 ГПК РФ и 244 АПК РФ (за исключением основания об истечении срока предъявления решения к принудительному исполнению, что обосновывается отсутствием необходимости принудительного исполнения). Особые основания для отказа предусмотрены для случая, когда требуется признать решения иностранного третейского суда (арбитража) (статья 417 ГПК РФ). Отметим также, что,

рассматривая вопрос об отказе в признании и исполнении или же только в признании иностранного судебного решения, стоит обращать внимание и на судебные акты разъяснительного характера (например, Информационное письмо Президиума ВАС РФ 26.02.2013 года №156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»).

Кроме того, стоит знакомиться и с конкретными примерами из судебной практики, поскольку они порой вскрывают специфические проблемы и особенности, демонстрируют, что действие механизма признания иностранных судебных решений не всегда оказывается таким простым и понятным, как это регламентируют процессуальные кодексы. В качестве примера рассмотрим Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2020 №305-ЭС19-24914 по делу №А40-144535/2019 [7]. Данное дело иллюстрирует отказ в удовлетворении возражений на признание иностранного судебного решения по причине пропуска месячного срока обжалования. Решением Хозяйственного суда города Киева от 27.08.2018 по делу №910/2489/17 признаны недействительными договоры об уступке права требования, заключённые между ПАО «ОТП БАНК» и ООО «ЕВРОСВЕТ», а также договор цессии, договор об уступке права требования по договорам залога, ипотеки и поручительства, заключённые между ООО «ЕВРОСВЕТ» и INTEGRITY LOGISTIC LTD. Затем были направлены апелляционные жалобы в Северный апелляционный Хозяйственный суд Украины, которые не были удовлетворены. В связи с этим, INTEGRITY LOGISTIC LTD обратилась в Арбитражный суд города Москвы с заявлением, содержащим возражения относительно признания на территории РФ решения Хозяйственного суда города Киева. Однако заявление было возвращено с указанием на пропуск процессуального срока. Суды апелляционной и кассационной инстанций с таким решением согласились, обосновав свою позицию тем, что не были представлены доказательства, подтверждающие получение текста постановления Хозяйственного суда на ту дату, на которой настаивал заявитель, и более того, представитель заявителя участвовал в судебном заседании, где был вынесен окончательный судебный акт, следовательно, INTEGRITY LOGISTIC LTD была осведомлена о вынесенном судебном акте в день судебного заседания, а не в день получения текста постановления по почте.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ сочла обжалуемые судебные акты подлежащими отмене ввиду следующего. Положения статьи 245.1 АПК РФ не определяют порядок рассмотрения заявления о возражениях против признания решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения достаточно точно, что приводит

к различным подходам в судебной практике (в т.ч. к рассмотрению заявлений без проведения судебного заседания). Такой подход коллегия считает неверным, так как он фактически приводит к ограничению права на судебную защиту, предусмотренного статьей 46 Конституции РФ. Контроль судебной власти государства-исполнения за иностранным судебным актом в любой процессуальной форме (как признания иностранного решения в соответствующей юрисдикции, так и принятия возражений против признания иностранного решения в государстве, где заявлено такое ходатайство) является важнейшим элементом права на суд и признается современным международным процессуальным стандартом, реализованным как в международно-правовых актах, так и в национальном законодательстве государств. Право заявить о контрэкзекватуре иностранного судебного решения в суде государства-исполнения является важной гарантией защиты субъективных прав, рассмотрение судом таких возражений предполагает выводы суда по существу такого субъективного права. На недопустимость подмены судебной оценки субъективного права оценкой документов вне судебной процедуры и формального отказа в судебной защите при оценке соблюдения сроков обращения к суду указывал и Конституционный Суд РФ в определениях от 2.12.2013 г. №1908-О и от 23.04.2020 г. №836-О. Также, несмотря на то, что процедура возвращения заявления судом по своей процессуально-правовой сути направлена на оценку требований к форме и содержанию заявления, это не влечёт полный отказ в правосудии (Постановление Президиума ВАС РФ от 31.01.2006 №9316/05, Кассационное определение Судебной коллегии ВС РФ от 19.07.2019 №91-КА19-2).

Из буквального толкования части 3 статьи 245.1 АПК РФ следует, что установление момента начала и окончания процессуального срока является одним из важных элементов процессуальной формы рассмотрения соответствующих заявлений, следовательно, вопрос о признании судебного акта не может разрешаться вне публичной состязательной судебной процедуры. В отношении установления процессуальных сроков по конкретному делу необходимо учитывать вступившие в законную силу окончательные и полные судебные акты, т.е. начало течения срока должно определяться тем моментом, когда стороны получили возможность ознакомиться с полным текстом вступившего в законную силу иностранного судебного (арбитражного) акта, направить его для перевода с целью предъявления заявления возражений против признания.

Данное определение даёт нам полное, всестороннее, аргументированное представление о праве на контрэкзекватуру, тем самым важным образом дополняя понимание о процедуре признания иностранных судебных решений. Однако, из толкования части 3 статьи 245.1 АПК РФ возникает один вопрос, который несущественен для конкретного судебного дела, но при этом может быть актуален для других дел при наличии

некоторых иных обстоятельств. Как следует из разъяснений позиции судебной коллегии, начало течения срока связывается с моментом получения возможности ознакомиться с полным текстом судебного акта и направления его для перевода с целью предъявления в иностранном государстве. Из смысла подобной формулировки предполагается, что, получив возможность ознакомления с текстом акта, сторона процесса в достаточной степени владеет языком, на котором составлен данный акт. Если же, например, сторона, должным образом извещённая о времени и месте судебного заседания, не принимала в нём участия, а затем получает доступ к вынесенному судебному решению, но не понимая языка, вынуждена обращаться к специалисту за переводом, необходимо иметь в виду, что процесс перевода также требует некоего количества времени. То есть по смыслу представленного толкования, фактически сторона, не владеющая языком, на котором вынесено решение, получает возможность ознакомления с текстом решения позже, нежели начинает течь срок на направление возражений. Аналогичная ситуация распространяется и на предъявление ходатайства (заявления) о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда, однако, она объективно менее вероятна, поскольку такое ходатайство (заявление) предъявляет взыскатель, т.е. лицо, которое было непосредственно заинтересованно в вынесенном решении и, в дальнейшем, его признании и исполнении. При таких условиях логично предположить, что, скорее всего, взыскатель участвовал в судебном заседании, а значит, либо сам владеет языком, либо к участию в заседании был привлечён переводчик.

Таким образом, мы видим, что каким бы образом ни трактовалось понимание процедуры признания иностранных судебных решений, именно она позволяет подтверждать установленные иностранным судом гражданские права и обязанности на территории другого государства. Однако, экзекватура невозможна без контроля государственной власти, поэтому вопрос о признании относится к судебной компетенции и разрешается на основании внутринационального регулирования и (или) межгосударственных соглашений. В связи с этим, судебные акты как разъяснительного характера, так и принятые по конкретным судебным делам, представляют особый интерес в изучении вопроса о признании иностранных судебных решений, поскольку позволяют обнаружить неявные проблемы процедуры и понять алгоритм их разрешения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс, 2008. – 656 с.
2. Международное частное право: учебник / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2018. – 848 с.

3. Гинзбург И. В., Аграшева О. Е. Исполнение иностранных судебных решений: теория и практика // Сборник материалов IV Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию СЮИ-СГЮА «Перспективы развития гражданского процессуального права». – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. академии, 2020. – С. 28–32.
4. Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учебный курс в 3 частях. – М.: Издат. дом «Городец», 2004. – 624 с.
5. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник: пер. с нем. – М.: БЕК, 2001. – 560 с.
6. Регламент (ЕС) Европейского парламента и Совета ЕС «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» от 12 декабря 2012 г. №1215/2012 [Электронный ресурс] // Гарант [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2020]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70475048/> (дата обращения 20.09.2020).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2020 №305-ЭС19-24914 по делу №А40-144535/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d53efbef-8a67-4c4a-8e04-bc1842150ed8/e0fce8fb-d1df-4962-b528-66cd2110041d/A40-144535-2019_20200625_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.09.2020).

АФАНАСЬЕВА О. Д., МАСЛОВСКАЯ М. В.

ЕДИНЫЙ ДЕНЬ ГОЛОСОВАНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ законодательства, связанного с установлением Единого дня голосования в России. Отражены некоторые итоги избирательной кампании 13 сентября 2020 года.

Ключевые слова: единый день голосования, кандидат, избиратели, выборы, депутат.

AFANASIEVA O. D., MASLOVSKAYA M. V.

SINGLE VOTING DAY: EVOLUTION OF LEGAL REGULATION

Abstract. This article analyzes the legislation related to the establishment of a single voting day in Russia. The authors consider some of the results of the all-Russian single voting on September 13, 2020.

Keywords: single voting day, candidate, voters, election, deputy.

Еще свежи в памяти события, связанные с Единым днем голосования в Российской Федерации 13 сентября 2020 года. В этот день одновременно проходили выборы разных уровней – от местных до выборов депутатов Государственной Думы, о некоторых итогах которых мы скажем ниже.

Для начала заметим, что в избирательном законодательстве нашей страны до 2005 года единый день голосования как таковой отсутствовал, практически ежегодно проводились самые различные и по виду, и по уровню избирательные кампании. Последние зачастую носили широкомасштабный характер, поскольку дата и условия голосования напрямую зависели от позиции законодателя, которая на протяжении определенного времени была далеко неоднозначной. Для большей наглядности проведенного нами анализа федеральных законов выделим курсивом наиболее примечательные моменты.

Если в соответствии с законодательством советского периода выборы проводились «как правило, в выходной день», то в Федеральном законе от 6 декабря 1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» была использована другая формулировка – в качестве дня голосования устанавливался *один из выходных дней* [1].

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» 1997 года определил днем голосования только *календарный выходной день*, дополнительно вводя запрет на проведение голосования в *праздничный день* [2].

Первоначальная редакция Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ с одноименным названием, что и предшествующий закон, но значительно увеличившийся в

объеме по сравнению с прежним текстом (далее – ФЗ №67)[3], определил как начальные, так и конечные временные рамки процедуры назначения выборов, что отразилось, например, в установлении в статье 10 требований о том, «.....Голосование на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации должно быть проведено не позднее чем через 100 дней и не ранее чем через 80 дней со дня принятия решения о назначении выборов. Голосование на выборах в органы местного самоуправления должно быть проведено не позднее чем через 80 дней и не ранее чем через 70 дней со дня принятия решения о назначении выборов. Указанное решение подлежит официальному опубликованию в средствах массовой информации не позднее чем через пять дней со дня его принятия (п. 2).

Голосование на выборах может быть назначено *только на воскресенье*. Не допускается назначение голосования на предпраздничный и нерабочий праздничный дни, на день, следующий за нерабочим праздничным днем, а также на воскресенье, которое в установленном порядке объявлено рабочим днем» (п. 3 ст. 10).

Появление так называемого «единого дня голосования» во многом связывают с соответствующей инициативой, с которой в конце августа 2004 года выступила Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Российской Федерации, предложившая ввести единый день голосования для всей страны: в марте – основной день, а в октябре – «запасной» (в случае проведения повторных и дополнительных выборов). При этом также предлагалось перенести запасной день на декабрь, если в том же году проводятся выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В начале октября 2004 года председатель ЦИК РФ А.А. Вешняков сообщил журналистам, что предложенные нововведения обсуждались с представителями политических партий и получили поддержку в регионах [4] и, в конечном итоге, получили отражение в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. №93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации»[5].

После включения в ФЗ №67 соответствующих новелл дни голосования получили более «точечный» характер, хотя фактически было установлено два единых дня для голосования: *второе воскресенье марта* или в случаях, установленных законом, *второе воскресенье октября* года, в котором истекают сроки полномочий органов государственной власти субъектов РФ или органов местного самоуправления или депутатов указанных органов.

Причем голосование в марте было более предпочтительно, поскольку ФЗ №67 четко прописывал ситуации, приводящие к необходимости проведения голосования в октябре.

Среди них: проведение выборов во вновь образованных субъектах РФ, муниципальных образованиях (пп. 5, 51 ст. 10, п. 7 ст. 811); истечение срока избрания органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, сформированных на выборах, которые назначены до 15 августа 2005 г.; несостоятельность и недействительность выборов и несложение избранным кандидатом полномочий, несовместимых со статусом депутата или выборного должностного лица (п. 6 ст. 71).

В 2011 году ст. 82 ФЗ №67 была еще дополнена важным положением, согласно которому «Допускается законом субъекта Российской Федерации не более чем на шесть месяцев продление или сокращение срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в целях совмещения дня голосования на выборах депутатов этого органа с днем голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Другими словами, региональные выборы допускалось совмещать с выборами федерального уровня (выборами Президента РФ или депутатов Государственной Думы).

Первой датой единого дня голосования стало 12 марта 2006 года и в последующем ежегодно (до 2012 года включительно) использовались основной и резервные дни голосования.

Стоит в данном случае напомнить, что в декабре 2011 года Президент России Д.А. Медведев в Ежегодном послании Федеральному Собранию высказался за возвращение процедуры избрания высших должностных лиц субъектов Российской Федерации непосредственно гражданами, что позднее получило правовое закрепление в тексте Федерального закона от 2 октября 2012 г. №157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[6].

С 1 ноября 2012 года действует положение п. 3 ст. 10 ФЗ №67, согласно которому «Днем голосования на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления является *второе воскресенье сентября* года, в котором истекают сроки полномочий указанных органов или депутатов указанных органов, а если сроки полномочий истекают в год проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации очередного созыва, – день голосования на указанных выборах». Законодатель вновь также прописал случаи, когда данное требование не применяется.

Законодательная новелла фактически объединила ранее разрозненные по месяцам даты голосования, породив тем самым действительно единый день голосования, приходящийся теперь на второе воскресенье сентября каждого года.

Организация выборов разных уровней в один день призвана, с одной стороны,

сэкономить финансовые средства, уходящие на организацию и проведение избирательных кампаний, а с другой – упорядочить политический и избирательный процессы, значительно облегчить работу избирательным комиссиям. Преимущество голосования в один день позволяет кандидатам хорошо подготовиться к нему, поскольку есть четко обозначенные даты. Кроме того, месяц сентябрь считается достаточно комфортным для голосования.

Немаловажно и то, что избирателям предоставляется возможность одновременного голосования за кандидатов или политические партии, баллотирующихся в различные органы публичной власти.

Единым днем голосования в 2020 году стало 13 сентября. Избирательная кампания охватила 83 региона нашей страны:

- в 18 из них (Республиках Коми, Татарстан и Чувашии, Камчатском, Краснодарском и Пермском краях, Архангельской, Брянской, Иркутской, Калужской, Костромской, Ленинградской, Пензенской, Ростовской, Смоленской и Тамбовской областях, городе федерального значения Севастополе и Еврейской автономной области) – избирались высшие должностные лица субъектов РФ. Главы Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов были избраны региональными законодательными органами государственной власти;

- выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти прошли в Республике Коми, Белгородской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курганской, Магаданской, Новосибирской, Рязанской и Челябинской областях, Ямало-Ненецком автономном округе.

- дополнительные выборы депутатов Государственной Думы седьмого созыва прошли в Татарстане и Курской, Пензенской, Ярославской областях.

Безусловно, наиболее многочисленными в ходе единого дня голосования 13 сентября 2020 года были муниципальные выборы: около 9 тысяч выборов глав муниципальных образований и депутатов представительных органов прошло в крупных и средних городах России.

По итогам избирательных кампаний различного уровня замещено более 78 тысяч мандатов и выборных должностей.

На подготовку и проведение Единого дня голосования в 2020 году оказала серьезное влияние пандемия коронавируса. В сложившихся обстоятельствах ЦИК РФ было принято беспрецедентное решение – наряду с основным днем голосования 13 сентября 2020 года создать условия для осуществления досрочного голосования, проводимого 11 и 12 сентября, что, несомненно, способствовало усилению мер, направленных на обеспечение безопасности и охрану здоровья избирателей.

Одной из новелл выборов 13 сентября 2020 года было более широкое применение

системы «Мобильный избиратель», позволяющей гражданам проголосовать не по месту жительства, а по месту нахождения в день голосования. Создание цифровых избирательных участков позволило избирателям проголосовать, находясь за пределами своего региона.

К другим особенностям Единого дня голосования 13 сентября 2020 года можно также отнести политическую конкуренцию, рост активности политических партий (на региональных выборах в бюллетенях было представлено рекордное число партийных списков) и активное участие граждан в выборах.

Единый день голосования продемонстрировал успешные изменения в организации и проведении выборов. Впервые в истории нашей страны опробованы новые формы многодневного голосования, как на участках, так и на дому и придомовых территориях, а также современные средства электронного голосования. Эти новации расширили возможности участия россиян в выборах, полностью оправдали себя и, безусловно, могут успешно использоваться в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. №56-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №33. – Ст. 3406.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. №124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – №48. – Ст. 4339.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №24. – Ст. 2253.
4. Инициатива ЦИК о введении в России единого дня для проведения выборов получила поддержку в регионах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20041001/696291.html> (дата обращения 11.10.2020).
5. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №93-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №30 (часть I). – Ст. 3104.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 октября 2012 г. №157-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 41. – Ст. 5522.

ЗЕЛЕНОВА Н. А., ЛУКОНЬКИНА О. В.

**БЕРНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ 1886 ГОДА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АКТ В СФЕРЕ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Особое внимание уделено анализу влияния данного международного соглашения на современную систему охраны авторских прав. Авторы проводят соотношение норм гражданского законодательства Российской Федерации и правил Бернской конвенции с целью выявления особенностей правового регулирования.

Ключевые слова: Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года, Гражданский кодекс Российской Федерации, авторское право, иностранные граждане, охрана авторских прав.

ZELENOVA N. A., LUKONKINA O. V.

**BERNE CONVENTION FOR PROTECTION OF LITERARY AND ARTISTIC WORKS
OF 1886 AS BASIC NORMATIVE ACT IN COPYRIGHT PROTECTION**

Abstract. This article examines the main provisions of the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886. Special attention is paid to the analysis of this international copyright protection standard. The authors draw a correlation between the norms of the civil legislation of the Russian Federation and the provisions of the Berne Convention.

Keywords: Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 1886, Civil Code of the Russian Federation, copyright, foreign citizens, copyright protection.

В связи с развитием информационных технологий и вовлечением в трансграничные правоотношения все большего числа участников, вопросы правового регулирования и охраны авторских прав на международном уровне приобретают все большую актуальность.

Как справедливо отмечает ряд ученых, изначально сфера действия авторских прав ограничивалась территорией отдельного государства [5, с. 117]. Законодательство, регламентирующее правовой режим интеллектуальной собственности, было в недостаточной степени разработано и обеспечивало охрану авторских прав только собственным гражданам. К концу XIX века в связи с техническим прогрессом, развитием торговли, в особенности с распространением печатных изданий, возникла необходимость обеспечения полноценной охраны авторских прав на территории других стран. Трудности в правовом регулировании этой сферы посредством заключения двухсторонних договоров между государствами

породили необходимость в применении более совершенного способа регламентации правоотношений. Заключение многосторонних соглашений позволило бы охватить большее число субъектов и привести нормы права различных стран к единообразному содержанию.

Первым соглашением, которое преодолело исключительный территориальный характер охраны авторских прав, стала Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года (далее – Бернская конвенция). На сегодняшний день указанный акт применяется с учетом существенных изменений, внесенных на Берлинской конференции в 1908 году [1].

На настоящий момент в состав стран, присоединившихся к Бернской конвенции (далее – Бернский союз), входит 179 государств [8]. Россия ратифицировала конвенцию в ноябре 1994 года с оговоркой о том, что ее действие не может распространяться на произведения, которые на момент вступления этого соглашения в силу являются на территории нашего государства общественным достоянием. На тот момент количество таких произведений было весомым, так как советское гражданское законодательство предусматривало относительно небольшой срок охраны прав после смерти автора – 25 лет. Лишь в 2012 году это заявление было отозвано с указанием на то, что оно не соответствует действующему законодательству.

Основная цель Бернской конвенции – установление общих для всех стран-участниц требований, которые обеспечат эффективную защиту прав авторов на международном уровне. Характерной чертой этого договора является сочетание материально-правовых и коллизионных норм в своем содержании, причем последние содержатся в конвенции в меньшем количестве. В основном имеются отсылки к праву страны происхождения (т.е. страна первой публикации произведения). Правовые нормы государства, в котором истребуется охрана произведения, применяются в отношении объема охраны, способов и средств защиты авторских прав (п. 2 ст. 5).

Положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений стали основой современного законодательства об авторском праве, сформировали терминологическую базу и во многом повлияли на структуру создаваемых в этой сфере нормативно-правовых актов. Указанное обстоятельство можно проследить на примере соотношения ее правил с нормами главы 70 раздела VII части 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

В качестве объектов правовой охраны Бернская конвенция определяет произведения в области литературы, науки и искусства, в ст. 2 приведен их широкий перечень. Стоит отметить, что в соглашении закреплено основополагающее правило – указанные объекты охраняются в независимости от формы их выражения. Но при этом указано, что

национальным законодательством государств, входящих в Бернский союз, могут устанавливаться нормы, согласно которым на произведения, не закреплённые в определённой форме, может не распространяться правовая охрана. Такое ограничение имеет место в российском законе: так, согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ необходимо, чтобы произведение имело объективную форму, иными словами, оно должно восприниматься другими лицами.

Заметим, что в Бернской конвенции отсутствует упоминание программ для ЭВМ как объекта авторского права. Указанное обстоятельство кажется вполне закономерным, если учитывать дату последнего изменения этого международного акта. В 70-х годах XX века в полной мере не могла быть осознана значимость охраны этих объектов ввиду их нераспространённости. Но отсутствие прямого указания на них не означает, что они лишены правовой охраны в рамках конвенции, так как перечень объектов авторского права в ней имеет открытый характер. В национальном законодательстве Российской Федерации, в абз. 2 п. 1 ст. 1259 ГК РФ программы для ЭВМ вынесены в качестве отдельного самостоятельного объекта, к которому применяются правила по охране литературных произведений.

Отечественные правовые нормы, устанавливающие объекты, изъятые из охраны, имеют свои особенности по отношению к общим положениям Бернской конвенции. Следует отметить, что данное обстоятельство не противоречит ее содержанию, так как данным актом установлено, что отдельные виды произведений могут быть лишены охраны национальным законодательством [7, с. 85].

Единственным императивным требованием, закреплённым в п. 8 ст. 2 Бернской конвенции, является исключение из сферы авторской охраны сообщений, имеющих характер простой пресс-информации. Это ограничение объясняется тем, что новость как сообщение, констатирующее определённый факт, изначально не предполагает творческого характера. В этом с содержанием конвенции солидарен российский законодатель.

Также конвенция предоставляет на усмотрение стран союза возможность закрепить особые условия воспроизведения для публично произнесённых произведений (лекций, обращений). В соответствии с п. 2 ст. 2 bis Бернской конвенции, они могут свободно публиковаться в прессе, передаваться в эфир, но только в том случае, если их распространение осуществляется исключительно с информационной целью. В российском законодательстве такая норма установлена ст. 1274 ГК РФ.

Подчеркнем, что в отношении такого объекта, как официальный документ и его перевод, Бернская конвенция не так «категорична». В п. 4 ст. 2 закреплено, что вопрос предоставления им правовой охраны решается на уровне национального законодательства. Как правило, большинство стран-участниц, в том числе и Российская Федерация, установили

ограничения по причине особенностей документов, которые по своей природе имеют публичный характер и должны быть доступны неограниченному кругу лиц. Подобный правовой режим Бернской конвенцией установлен для политических речей и речей, произнесенных в ходе судебного процесса: так, государства Бернского союза могут не распространять на них охрану, но при этом, согласно п. 1, 3 ст. 2 bis, не могут лишать автора права на издание текста этих выступлений в сборниках.

Важно отметить, что Бернская конвенция в целом строится на установлении гарантий, которые являются минимально требуемыми, что дает государствам возможность закреплять более высокий уровень охраны [7, с. 19]. Наиболее ярким примером выступит регламентация срока охраны авторских прав. Так, в Российской Федерации в него включается период жизни автора и 70 лет после его смерти (п. 1 ст. 1281 ГК РФ). В то время как в конвенции этот срок менее продолжителен, он ограничивается 50 годами после смерти правообладателя (п. 1 ст. 7 Бернской конвенции).

Основой охраны авторских прав является постулат об их автоматической защите вне зависимости от регистрации и иных процедур. В п. 2 ст. 5 Бернской конвенции установлено, что осуществление прав автора не может быть связано с выполнением каких-либо формальностей. Российское национальное законодательство исходит из того же принципа, фактически дублируя норму в п. 4. ст. 1259 ГК РФ.

Не менее важным является положение о соблюдении странами Бернского союза принципа национального режима. Он предполагает, что в каждом государстве права и обязанности иностранных авторов приравниваются к тем, что закреплены в законе в отношении национальных авторов (п. 1 ст. 5 Бернской конвенции). Реализация этого принципа на практике ярко отражена в правоприменительных актах.

Например, в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 №15АП-1686/2020 по делу №А32-51737/2019 суд при выборе норм права, необходимых для разрешения спора между гражданином Российской Федерации и юридическим лицом Великобритании, напрямую обращается к ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. Далее, суд отмечает, что иностранные авторы пользуются правами, аналогичными тем, что предоставляются соответствующими законами стран своим гражданам, но, согласно п. 2 ст. 5 ранее указанного акта, объем охраны и средства защиты авторских прав регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана. Следовательно, в отношении исключительных прав на произведение юридического лица Великобритании на территории Российской Федерации будет применяться национальное законодательство [6].

В завершении целесообразно еще раз подчеркнуть значимость Бернской конвенции по

охране литературных и художественных произведений 1886 года как одного из первых актов в сфере международной защиты интеллектуальной собственности. На основе ее положений сформировалась современная система правовой охраны авторских прав, гармонизировано национальное законодательство, что, в свою очередь, повлияло на развитие международного обмена в сфере информации и технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (дата обращения 11.10.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Принята Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №52. – Ст. 5496.
3. Захарова И. А. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и часть четвертая Гражданского Кодекса РФ: сравнительный анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №7. – С. 80-84.
4. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2015. – 320 с.
5. Полянская Е. М., Кадовбенко В. Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – №4. – С. 115-122.
6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 №15АП-1686/2020 по делу №А32-51737/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=188232#0751410057613665> (дата обращения 11.10.2020).
7. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование: учебное пособие для вузов / под ред. И. А. Близнеца, В. А. Зимина. – М.: Юрайт, 2020. – 252 с.
8. WIPO-Administered Treaties Contracting Parties Berne Convention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/treaties/en/ShowResults.jsp?lang=en&treaty_id=15 (дата обращения 11.10.2020).

КУЗНЕЦОВА М. А.
МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СУДЕБНОМУ
УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Аннотация. В работе представлен исторический аспект применения процедуры медиации в России. Также рассмотрены объективные и субъективные факторы, влияющие на популяризацию процедуры медиации как способа досудебного урегулирования споров в гражданском процессе. Предложены направления для повышения популяризации медиации в России.

Ключевые слова: медиация, медиатор, примирительные способы защиты, медиативное соглашение, досудебное урегулирование споров.

KUZNETSOVA M. A.
MEDIATION AS ALTERNATIVE TO JUDICIAL
SETTLEMENT OF LEGAL DISPUTES

Abstract. This paper presents the historical approach to the application of the mediation procedure in Russia. The objective and subjective factors influencing the popularization of the mediation procedure as a way of pre-trial settlement of disputes in civil proceedings are also considered. The ways for increasing popularity of mediation in Russia are proposed.

Keywords: mediation, mediator, conciliatory ways of defense, mediation agreement, pre-trial settlement of disputes.

Слово «медиация» имеет латинское происхождение и произвольно от глагола «mediare» – посредничать. Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1].

Исследование примирительных способов защиты в историческом контексте зачастую принято проводить на анализе зарубежного опыта. Ряд авторов считает, что процедура медиации в праве впервые стала использоваться в Соединенных Штатах Америки [2, с. 13]. Такой подход объясняет преобладание западных точек зрения в вопросах применения процедуры медиации в России.

Однако, как следует из работ исследователей, занимавшихся изучением данного вопроса, первые упоминания о примирительных процедурах в различных спорах на Руси встречаются уже в XI веке. Так в некоторых источниках можно найти упоминание об институте посредничества. В Русской Правде, как отмечает Ю. П. Титов [7, с. 39], уже присутствует упоминание о суде общины, который действовал наряду с княжеским судом. Функцию посредников, участвовавших в заключении мировых сделок между истцами и ответчиками, выполняли представители судебных властей, к числу которых также относились княжеские наместники, которым князь поручал отправлять правосудие и улаживать споры между конфликтующими сторонами [7, с. 163]. Оплата примирительной деятельности производилась в соответствии с законодательством того времени, расходы несли стороны, участвующие в споре.

В дальнейшем в Судебнике Ивана III (1497 год) право примирения сторон также было закреплено в ряде статей. Так, в ст. 38 Судебника говорится о взыскании со сторон пошлины в размере половины суммы иска, если они помирятся в судебном присутствии. В Судебнике Ивана IV (Грозного) (1551 год) в ст.ст. 9, 10 и 62 говорится о возможности сторон прекратить спор примирением еще до начала и после начала поединка с уплатой минимальных пошлин [4, с. 32].

В первой половине XVII века на Руси практиковались также мировые соглашения и по крепостным делам (Соборное Уложение, 1649 год [6, с. 51]). В ст. 184 Уложения впервые говорилось о возможности заключения мирового соглашения с истцом одного из соответчиков [3, с. 34].

Во времена царствования Петра I порядок взимания пошлин был изменен – пошлины стали взиматься повсеместно. В этот период в законодательном плане медиативным процедурам уделялось недостаточно внимания, однако купечество неоднократно прибегало к мировым соглашениям, которые поддерживались частной инициативой.

1 февраля 1726 г. был издан Сенатский Указ «О разбирательстве купцов меж себя по всем делам, подлежащим до купечества, по прежнему купеческому обыкновению, таможенным судом» [5, 1. Т. VII №5145. С. 842-854], который заложил правовую основу проведения примирительных процедур. Данным указом определялась компетенция словесных таможенных судов, призванных отправлять купеческое правосудие с использованием медиативных процедур [4, с. 32].

Примирительные процедуры также нашли свое отражение в Уставе «О банкротах» (15 декабря 1740 г.). В частности, в ст. 24 Устава была предусмотрена возможность заключения мирового соглашения между банкротом и его кредиторами [3, с. 55]. Второй Устав «О банкротах» был принят 19 декабря 1800 г. [5, 1. Т. XXVI. №19692]. Как отмечает

В. В. Лисицын, в рамках данного Устава примирительные процедуры имели форму «медиаторского разбора» и переговоров между кредитором и должником, следствием которых являлись мировые сделки (соглашения) [4, с. 62]. «Медиаторский разбор» был аналогом третейского суда для разрешения одного дела, в ходе которого использовался метод примирения сторон.

Проведенный выше исторический анализ свидетельствует, что упоминания о примирительных процедурах, встречающиеся в различных источниках, подтверждают наличие практики мировых соглашений в древнерусском обществе и широком применении медиативных процедур в различных спорах. Древнерусское законодательство содержало поощрительные нормы, что способствовало понуждению сторон к миру. Медиативная процедура не является привнесенной извне, а является достаточно распространенным способом разрешения правовых вопросов в различные исторические периоды.

Несмотря на то, что большинство исследователей сходятся во мнении, что медиация как примирительная процедура обладает огромным потенциалом как основная альтернатива судебному урегулированию правовых споров, к настоящему моменту, медиацию нельзя назвать популярной на территории Российской Федерации, о чем свидетельствуют статистические данные (см. табл. 1) [8].

Таблица 1

Выдержка из сводного отчета арбитражных судов округов за 2017-2019 гг.

Арбитражные суды	Рассмотрено дел в 2019	В связи с утверждением мирового соглашения	Рассмотрено дел в 2018	В связи с утверждением мирового соглашения	Рассмотрено дел в 2017	В связи с утверждением мирового соглашения
Арбитражный суд Волго-Вятского округа	6 335	16	5 383	4	5 277	10
Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа	5 100	5	4 779	17	4 892	1
Арбитражный суд Дальневосточного округа	5 343	1	5 054	6	5 023	5
Арбитражный суд Западно-Сибирского округа	9 095	9	8 213	6	7 544	11
Арбитражный суд Московского округа	30 880	82	29 434	69	23 890	75
Арбитражный суд Поволжского округа	11 744	14	10 690	21	9 689	12

Арбитражный суд Северо-Западного округа	13 999	30	13 295	34	12 328	21
Арбитражный суд Северо-Кавказского округа	11 052	13	10 559	9	9 368	9
Арбитражный суд Уральского округа	12 429	45	11 345	31	10 367	38
Арбитражный суд Центрального округа	7 853	9	7 284	10	6 892	6
Всего по АС округов	113 830	224	106 036	207	95 270	188

Причины этого явления носят комплексный характер и требуют всестороннего анализа. К факторам, влияющим на распространение процедуры медиации в России, можно отнести объективные и субъективные причины. К объективным причинам можно отнести: недостаточное информирование населения об институте медиации, несовершенное законодательное регулирование процедуры медиации, наличие не во всех судах специального помещения для применения медиации и др. К субъективным причинам относятся: уровень квалификации и наличие профессионально-важных качеств у медиаторов; высокая степень конфликтности, низкий уровень правосознания и правовой культуры, отсутствие навыков ведения переговоров у населения; недостаток стремления к развитию правовой культуры.

Какие же меры могут способствовать развитию интереса к процедуре медиации у граждан? Как отмечает О. Ю. Голуб, влиятельным инструментом информационно-разъяснительной деятельности может выступать социальная реклама, которая способна вовлечь массовое сознание в процессы перераспределения ценностных смыслов [3, с. 33-37].

Другим средством популяризации процедуры медиации является проведение бесплатных демосессий, в процессе которых у граждан будет возможность попробовать услуги на бесплатной основе на протяжении ограниченного временного периода и ознакомиться с ее преимуществами. Это позволит снизить недоверие к медиации и, возможно, побудит все больше граждан выбрать ее для разрешения возникших споров.

Помимо приведенных направлений развития медиативной процедуры в вопросах судебного характера, следует широко ее внедрять в других сферах и социальных институтах, таких как: школы, университеты, коммерческие и государственные организации.

Предложенные меры могли бы способствовать повышению популярности процедуры медиации в России, сделать процедуру медиации более понятной для граждан, создать доверие к этому институту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения 20.10.2020).
2. Бегаева А. А. Институт медиации – альтернативный способ разрешения корпоративных конфликтов // Предпринимательское право. – 2008. – №3. – С.13.
3. Голуб О. Ю. Перспективы развития медиации [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2017. – С. 33-37. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-mediatsii-v-rossii/viewer> (дата обращения 20.10.2020).
4. Лисицын В. В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (Прошлое и настоящее, зарубежный опыт). Вып. второй. – М.: Радуница, 2011. – 214 с.
5. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения 20.10.2020).
6. Соборное уложение 1649 г. – Л.: Наука, 1987. – 197 с.
7. Титов Ю. П., Мукулаев Р., Клеандрова В. М. История государства и права. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.
8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 20.10.2020).

ХОДНЕВА М. В.

**СУЩНОСТЬ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА
НА ПРИМЕРЕ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ**

Аннотация. Статья посвящена изучению сущности категории одностороннего отказа от исполнения договора как разновидности юридического отказа на примере розничной купли-продажи. Исследована технико-юридическая фиксация данного действия средствами гражданского права и определено его значение в цивилистике.

Ключевые слова: договор, исполнение договора, односторонний отказ, прекращение договора, розничная купля-продажа.

KHODNEVA M. V.

**ESSENCE OF UNILATERAL REFUSAL OF CONTRACT PERFORMANCE:
A STUDY OF RETAIL PURCHASE AND SALE**

Abstract. The article is devoted to the study of the essence of the category of unilateral refusal to perform a contract as a type of legal refusal on the example of retail purchase and sale. The technical and legal fixation of this action by means of civil law is investigated and its significance in civil law is determined.

Keywords: contract, performance of contract, unilateral refusal, termination of contract, retail purchase and sale.

Конструкция отказа – явление, встречающееся во многих отраслях права. С позиции теории права сущность правовой категории «юридический отказ» исследована И. П. Гладышевой, определявшей его как «правомерный акт волеизъявления управомоченного субъекта путем принятия решения о прекращении либо недопущении правореализационного процесса» [7, с. 9]. В трудах по теории права подчеркивается, что отказ от реализации права производится, поскольку его носитель, оценив обстановку, в которой происходит реализация права, свое отношение к процессу правореализации, сделал вывод о его нецелесообразности для себя лично или для общества в целом либо увидел риск возможных неблагоприятных последствий.

Юридический отказ в цивилистике – важный элемент договорных отношений, позволяющий гарантировать реализацию прав сторон договора; выступать средством их защиты, обеспечивая возможность контроля за действиями участников правоотношений через наступление юридических последствий в виде привлечения к ответственности [6, с. 76]. Как известно, обязательства из гражданско-правовых договоров должны исполняться надлежащим образом, т.е. заключая его, стороны вправе рассчитывать на

получение благ, являющихся его предметом. Любое расторжение договора означает «прекращение его действия, а также действия вытекающих из него обязательств с настоящего момента и на будущее» [8, с. 179]. Следовательно, расторгая договор без исполнения, стороны договора (одна или обе), по сути, отказываются от первоначально взятых на себя обязательств и не получают то, на что рассчитывали, вступая в договорное отношение. Это допустимо, если стороны по результатам объективной оценки сложившейся или складывающейся обстановки в целях недопущения возможных неблагоприятных последствий принимают решение воспользоваться предусмотренным законом правомочием активными действия прекратить реализацию договорных отношений. Одновременно в законе должно быть установлено, кто имеет право отказаться от исполнения обязательств (определен субъектный состав юридического отказа), определены условия, формы и процедуры осуществления отказа и его юридические следствия [5, с. 75].

Достаточно подробно в законодательстве и доктрине освещено то, как расторгнуть договор по соглашению сторон и в судебном порядке по инициативе одной из сторон (ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [1]), т.е. определить условия правомерности отказов от исполнения обязательств в этом случае сложности не составляет. Проблематика же отказа от исполнения договора в одностороннем порядке заслуживает особого внимания.

Статья 310 ГК РФ, находящаяся в тесной взаимосвязи с достаточно новой ст. 450.1 ГК РФ [3], односторонние отказы от исполнения договоров запрещают. В названном запрете проявляется действие таких принципов гражданского права, как неизменности обязательств, равенства участников гражданских правоотношений, диспозитивности, недопустимости злоупотребления правом. Тем не менее, в одностороннем порядке отказаться исполнить обязательство в ряде случаев можно. Для этого необходимы специальные основания, предусмотренные законом или договором, а также соблюдение принципа добросовестности и разумности действий стороны, реализующей право на отказ [12, с. 212]. М.А. Егорова и другие теоретики права полагают, что односторонний отказ от исполнения договора в этом случае есть форма реализации прав, обязанностей, полномочий и результат выбора стороны договора варианта поведения, который является для него наиболее оптимальным и полезным [9].

Рассмотрим далее особенности одностороннего отказа от исполнения договоров на примере договора розничной купли-продажи. Он, будучи одним из самых распространенных в гражданском обороте, носит публичный характер, заключается исключительно для личного или семейного пользования, а потому, как отмечает М.А. Егорова, требует использования комплекса охранительных мер, направленных на защиту гражданина-потребителя –

традиционно слабой стороны в договорном обязательстве относительно коммерческой организации [11, с. 71]. Допускаются ли этим договором односторонние отказы? Они допустимы и могут быть охарактеризованы следующим образом.

Возможность (основание) для односторонних отказов в этом случае прямо закрепляется в статьях параграфа 2 гл. 30 ГК РФ в случаях неполучения необходимой информации о товаре (ст. 495); продажи товара с условием о его принятии покупателем в определенный срок (ст. 496), по образцам, дистанционным способом продажи (ст. 497); при предварительной оплате товара (ст. 500); при продаже товара ненадлежащего качества (ст. 503).

Субъектом одностороннего отказа в рассматриваемом договоре в большинстве перечисленных выше в качестве оснований случаях выступает покупатель – потребитель. Кроме того, в договоре розничной купли-продажи любая сторона обязательства имеет право отказаться от принятия исполнения или исполнения своего обязательства и требовать возврата исполненного, что, по сути, в одностороннем порядке прекращает обязательство.

Форма одностороннего отказа от исполнения договора розничной купли-продажи законом не определена. Проанализировав законодательство и практику его применения, полагаем, что чаще всего отказ в этом случае совершается в форме бездействия – несовершения определенных действий покупателем. Покупатель, отказываясь от договора, может не явиться либо не совершить необходимые для принятия товара действия (ст. 496 ГК РФ). Покупатель также может продемонстрировать отказ, не оплатив товар в срок, установленный договором, предусматривающим предварительную оплату товара (ст. 500 ГК РФ). Важно, что просрочка покупателем оплаты товара признается отказом в любых случаях. Поздняя оплата лишь позволит заключить новый договор купли-продажи без восстановления прежнего [4, с. 186].

Средство трансляции отказа до заинтересованных лиц в розничной купле-продаже также не регламентировано законодательством. Полагаем, это может быть устное волеизъявление отказывающейся стороны, если иное не требует обстановка совершения отказа. На важность для целей гражданского оборота доведения информации об отказе от договора до противоположной стороны в своих исследованиях указывала М. А. Егорова [10, с. 57].

Юридические следствия одностороннего отказа от розничной купли-продажи состоят в том, что он может рассматриваться в качестве меры ответственности для нарушителя и способа защиты своих прав для пострадавшей стороны в договоре. Наиболее четко это демонстрируют п.п. 3,5 ст. 503 ГК и ст. 18 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей» [2], дающие право отказаться от оплаченного и

доставленного на место к покупателю товара с отнесением расходов на доставку обратно товаров на продавца. Понимание отказа от исполнения договора как меры ответственности нашло отражении и в п. 3 ст. 495 ГК РФ, где законодатель закрепляет возможность покупателя потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков при отказе от исполнения договора продавцом.

Таким образом, односторонний отказ от исполнения договора розничной купли-продажи как право уполномоченной стороны договора прекратить исполнение обязательств вследствие оценки полезности в сложившейся ситуации продолжения правореализации с учетом наступления возможных неблагоприятных последствий, представляет собой разновидность юридического отказа. Техничко-юридическая его фиксация средствами гражданского права производится на достаточном уровне. Для предотвращения возможных дефектов реализации права на односторонний отказ от исполнения договора розничной купли-продажи требуется с учетом проблем, выявленных правоприменительной практикой, совершенствование норм ГК РФ в части закрепления форм, условий и последствий реализации исследуемого вида отказов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Принят 26.01.1996 г. Федеральный закон №14-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г., с изм. от 28.04.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №5. – Ст. 410.
2. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. №2300-1 (ред. от 24.04.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №3. – Ст. 140.
3. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 г. №42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – №10. – Ст. 1412.
4. Бахриева З. Р., Ярошевская А. М. Особенности прекращения обязательственных правоотношений по договору купли-продажи // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – №2. – С. 180-189.
5. Гладышева И. П. К вопросу о понятии «юридический отказ» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – №2. – С. 72-76.
6. Гладышева И. П. О значении юридического отказа // Социально-политические науки. – 2011. – №1. – С. 75-78.
7. Гладышева И. П. Юридический отказ: теория, практика, техника: автореф. дис. ...

канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 35 с.

8. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. Том 2. – М.: Статут, 2017. – 543 с.

9. Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 29 с.

10. Егорова М. А. Особенности одностороннего отказа от исполнения договора как односторонней сделки // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – №8. – С. 55-59.

11. Егорова М. А. Проблемы изменения и расторжения публичных // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – №2. – С. 71-75.

12. Назарова М. Г. Односторонний отказ от исполнения договора: проблемы теории и практики // Университетская наука. – 2019. – № 2 (8). – С. 212-215.

ЧЕРАКШЕВА А. А., ШИГУРОВА Е. И.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты реализации свободы оценки доказательств при вынесении судом решения по уголовному делу. Авторами выделены критерии свободной оценки доказательств по уголовному делу. На основе изучения судебной практики выявлены проблемы правоприменения в исследуемой области.

Ключевые слова: доказывание, суд, оценка доказательств, приговор, совесть, внутреннее убеждение.

CHERAKSHEVA A. A., SHIGUROVA E. I.

**IMPLEMENTATION OF FREEDOM OF EVIDENCE EVALUATION
WHEN BRINGING IN VERDICT**

Abstract. The article considers the problematic issues of the implementation of the freedom of evidence evaluation when the court makes a decision in a criminal case. The authors offer the criteria for free evaluation of evidence in a criminal case. Considering the relevant judicial practice, the problems of law enforcement in the studied area are identified.

Keywords: proof, court, evidence evaluation, verdict, conscience, inner conviction.

Принцип свободы оценки доказательств является одним из фундаментальных отраслевых принципов, получивших закрепление на законодательном уровне. Однако анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что идея свободной оценки проявляется не во всех нормах и институтах доказательственного права. Особое значение данный принцип приобретает в судебном разбирательстве, в ходе которого суд обязан оценить все собранные в процессе досудебного производства и исследованные в судебном заседании доказательства и вынести обоснованное, справедливое решение по уголовному делу.

До появления и провозглашения свободы оценки доказательств в качестве основополагающего принципа, в уголовном судопроизводстве присутствовали, а в некоторых случаях даже доминировал, формальный уклон, суть которого состояла в том, что юридическая сила и количество доказательств, требуемых для разрешения и рассмотрения того или иного уголовного дела, устанавливались законодателем априори, то есть заранее [1, с. 189].

В настоящее время сущность свободы оценки доказательств сводится к следующему: суд и иные субъекты уголовного судопроизводства в ходе осуществления указанной

процессуальной деятельности обязаны руководствоваться следующими критериями: 1) собственным внутренним убеждением, основанным на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, 2) законом и 3) совестью. Вместе с тем, они не связаны какими-либо заблаговременно установленными правилами о силе и значении отдельных видов доказательств. Вышеуказанные критерии предполагают свободу и одновременно исключают возможность допущения произвола и нарушений требований закона при оценке доказательств. То есть оценочная деятельность суда, прокурора, следователя и иных участников должна быть автономна от различного рода искусственно сформированных ограничений, способных оказать негативное воздействие на их убеждения и взгляды [2, с. 211].

Значение принципа свободы оценки доказательств при вынесении приговора состоит в том, что данный императив является одной из гарантий, обеспечивающих независимость судей от влияния и давления на них со стороны иных ветвей государственной власти, а также судов вышестоящих инстанций в процессе осуществления ими правосудия.

С принятием УПК РФ, где свобода оценки доказательств была декларирована в качестве принципа уголовного судопроизводства, количество вопросов, касающихся сущности оценки, тем не менее не сократилось. Так, не совсем ясным видится момент относительно того, какой смысл был вложен законодателем в такую категорию морально-этического плана, как «совесть»? Как именно понять, что участники уголовного судопроизводства, например, судьи при вынесении приговоров по уголовным делам, оценивая доказательства и принимая на их основе те или иные важные процессуальные решения, руководствуются непосредственно совестью?

Совесть в уголовном процессе до сих пор является недостаточно изученным понятием. П. А. Лупинская рассматривала совесть в процессе оценки доказательств как внутренний критерий соблюдения правил, обеспечивающих независимость и свободу выражения субъектами уголовного судопроизводства своих собственных убеждений, уверенность в объективности и справедливости принимаемых ими решений [7, с. 8]. Таким образом, совесть при оценке доказательств выступает в качестве внутреннего и при этом достаточно неопределенного регулятора поведения уполномоченных на то должностных лиц, их способа самоконтроля, проявления чувства ответственности. По сути, это интуитивное стремление судьи и иных субъектов оценки доказательств к справедливому и законному применению норм права, основанному при этом на нравственно-моральном компоненте.

Однако проявление совести достаточно трудно контролировать и оценивать с точки зрения закона. Многие ученые в области юриспруденции критикуют и полагают не совсем

удачным закрепление совести в качестве одного из критериев оценки доказательств. Н. А. Колоколов по этому поводу, например, отмечает: «Совершенно очевидно, что совесть – понятие не совсем правовое, да и у каждого свое понимание совести, ранжировать же совесть правовыми мерами – занятие совершенно бессмысленное» [5, с. 14].

Деятельность, связанная с вынесением приговора, затрагивая и ограничивая права и законные интересы личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, должна обладать свойствами императивности и четкой регламентации [6, с. 20]. Исходя из этого, на наш взгляд, не совсем успешным и положительным является использование в уголовно-процессуальных отношениях такого абстрактного и субъективного понятия, как совесть. Ведь, как известно, зачастую отсутствие конкретики и четкости порождает размытие и стирание видимых пределов деятельности суда по осуществлению правосудия и иных должностных лиц, действующих в рамках уголовного процесса. Пожалуй, целесообразнее и логичнее в таком случае было бы употреблять термин «правосознание», поскольку фактически совесть не лежит в области явлений, изучаемых доктринами уголовного процесса или юриспруденции в целом. Правосознание же, в свою очередь, является базовой категорией, исследуемой и раскрываемой в трудах многих видных деятелей юридической науки. Правосознание применительно к уголовному процессу можно рассматривать как совокупность идей, чувств, представлений и взглядов, выражающих отношение к праву, правовым явлениям, юридически значимым ситуациям, действиям, поступкам и решениям, лежащим в сфере уголовного судопроизводства.

Наряду с этим, следует обратить внимание на то, что ч. 1 ст. 17 УПК РФ содержит некий перечень лиц, осуществляющих согласно обозначенной статье деятельность по оценке доказательств: судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель. Однако как в таком случае быть иным участникам уголовного судопроизводства, которые буквально остались за пределами данной уголовно-процессуальной нормы? Налицо явная нелогичность, ведь УПК РФ в ст. 86 предоставил защитнику, подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям право сбора доказательств, а, значит, и право их оценки с точки зрения доказательственной ценности. Поэтому при вынесении приговора они также оценивают доказательства, например, когда выступают в судебном заседании, заявляют ходатайства и т.д.

Постановляя приговор, являющийся по своей сути аккумуляцией результатов деятельности по оценке доказательств, исследованных в судебном заседании, судебные органы, руководствуясь законом и совестью, должны прийти к внутреннему убеждению о том, что каждое из доказательств, положенных ими в основу выводов, является относимым, допустимым и достоверным, а совокупность собранных по делу доказательств – достаточной

для разрешения уголовного дела. Таким образом, соблюдение принципа свободы оценки доказательств напрямую и неразрывно связано с правилами оценки доказательств, закрепленными ст. 88 УПК РФ.

В приговоре от 7 февраля 2020 г. по делу №1-15/2019, постановленном в отношении Смирнова В.А., признанного виновным в совершении двух эпизодов по п.п. «а» и «б» ч. 2 ст.158 УК РФ, свобода оценки доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты, выражается следующим образом. Руководствуясь ст.ст. 18, 87, 88 УПК РФ и оценивая в совокупности показания свидетелей обвинения, представителя потерпевшего и представленные обвинением материалы по своему внутреннему убеждению, основанном на полном, всестороннем и объективном исследовании, Максатихинский межрайонный суд Тверской области посчитал их согласованными, взаимосвязанными и правдивыми, а в совокупности достаточными для установления виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении. Также суд указал, что доказательства были получены с соблюдением требований УПК РФ, согласуются между собой и являются взаимодополняющими, поэтому нет каких-либо оснований не доверять им и ставить их под сомнение [4].

Реализуя принцип свободы оценки доказательств, Пушкинский районный суд Санкт-Петербурга при вынесении приговора от 14 августа 2019 г. по делу №1-377/2018, руководствуясь ст. 17 УПК РФ, посчитал необходимым признать недостоверным доказательством рапорт о доставлении Ярцева Н.А., поскольку указанные в рапорте сотрудники полиции категорически отрицали свое участие в доставлении подсудимого в отдел полиции. Данный вывод был сделан на основании того, что в ходе допроса один из полицейских показал, что спорный рапорт составлен не им, подпись выполнена иным лицом, и место происшествия для доставления подсудимого он не покидал. Указанные доводы были признаны убедительными, непротиворечивыми и не опровергнутыми стороной обвинения. В связи с этим суд признал указанный рапорт, представленный в качестве доказательства стороной обвинения, недостоверным, содержащим подложные сведения [3].

Реализация принципа свободы оценки доказательств способствует независимости, самостоятельности и беспристрастности субъектов уголовного судопроизводства, а также обеспечивает состязательность уголовного процесса при вынесении приговора. Закрепленная в законе формулировка принципа свободной оценки доказательств нуждается в совершенствовании [8].

Активными субъектами доказывания являются участники со стороны защиты и обвинения, не являющиеся должностными лицами (обвиняемый, подозреваемый, защитник, потерпевший, представитель потерпевшего и др.). Данные лица не вправе принимать властные решения, содержащие результаты собственной оценки доказательств. Однако, в

состязательном процессе оценка доказательств, осуществляемая вышеуказанными лицами, не менее важна, чем оценка доказательств субъектами, упомянутыми в ст. 17 УПК РФ. В связи с вышесказанным формулировка ст. 17 УПК РФ должна быть дополнена:

«1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель, иные участники со стороны обвинения и защиты оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шигуров А. В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом // Вестник Мордовского университета. – 2009. – №4. – С. 188-191.
2. Шигуров А. В. Проблемы реализации права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – 2013. – №6-1 (32). – С. 210-212.
3. Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.08.2019 г. по делу №1-377/2018 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.10.2020).
4. Приговор Максатихинского межрайонного суда Тверской области от 07.02.2020 г. по делу №1-15/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения 11.10.2020).
5. Колоколов Н. А. Истина в состязательном процессе: проблемы аргументации (избранные тезисы выступления) // Юридическая техника. – 2013. – №7 (часть 1). – С. 11-18.
6. Калинкина Л. Д. Заявление и разрешение повторных отводов суду (судье) на стадии судебного разбирательства // Адвокат. – 2009. – №10. – С. 19-23.
7. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. – 2002. – №7. – С. 5-8.
8. Шигуров А. В. Проблемы реализации на предварительном слушании норм о гласности судебного разбирательства и неизменности состава суда // Социально-политические науки. – 2013. – №3. – С. 60-63.

СТЕНЫШКИНА Я. Р.

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА
И СРОКОВ УПЛАТЫ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

Аннотация. В статье рассматривается новый уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. Обращается внимание на некоторые неясности законодательства в регламентации новой меры уголовно-правового характера, выявляются проблемные вопросы, связанные с определением размера судебного штрафа и сроков его уплаты.

Ключевые слова: уголовный кодекс, иная мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, размер, срок уплаты, тяжесть совершенного преступления, уважительная причина неуплаты.

STENYUSHKINA YA. R.

DETERMINING AMOUNT AND TERMS OF PAYMENT OF COURT FINE

Abstract. The article considers a new criminal law institution of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine as a measure of a criminal law nature. Attention is drawn to some legislative ambiguities in the regulation of the new measure of a criminal nature. The problematic issues related to determining the amount of a court fine and the terms of its payment are identified.

Keywords: criminal code, other measure of criminal nature, exemption from criminal liability, court fine, amount, term of payment, gravity of committed crime, valid reason for non-payment.

Главной задачей уголовной политики является установление баланса между гуманизацией уголовной ответственности и эффективностью предпринимаемых норм в отношении лиц, совершивших преступления. Данный баланс определяется предназначением уголовного законодательства, которое заключается в противодействии и предупреждении преступности.

Так, в 2016 году законодатель принимает решение о расширении альтернативных осуждению мер воздействия на лиц, совершивших преступления. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ [4] в УК РФ была введена ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». Дополнительно в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» появилась новая глава 15.2 «Судебный штраф».

Законодателем предполагалось, что основная нагрузка в превенции правонарушений

ляжет на иные меры уголовно-правового характера, а механизм уголовной ответственности будет включен только когда применение иных мер уголовно-правового характера не достигло своих целей и не оказало достаточного превентивного воздействия на правонарушителя.

Данный институт вызвал много дискуссий и до его включения в Уголовный кодекс РФ, и после. С. В. Анощенко дает следующее определение судебному штрафу: «Судебный штраф – это иная (отличная от наказания) мера уголовно-правового характера, назначаемая судом при освобождении лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и выражающаяся в уплате освобожденным от уголовной ответственности лицом денежного взыскания в размере, определяемом ст. 104.4 УК РФ» [15, с. 120].

Юридическая природа судебного штрафа двоякая: с одной стороны, мы видим иную меру уголовно-правового характера, с другой стороны – это один из видов освобождения от уголовной ответственности. Разумеется, что приведенные аспекты неразделимы, а их применение возможно только во взаимосвязи. Имея фактический состав освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный положениями ст. 76.2 УК РФ, реализуем применение иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренную положениями ст. 104.4 и ст. 104.5 УК РФ. Далее имеем два варианта исхода, зависящие от действий лица, совершившего преступление. Если лицо уплачивает судебный штраф, то оно освобождается от уголовной ответственности, в обратном случае в отношении лица активно реализуются меры уголовной ответственности.

Возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа законодатель связывает с совокупностью необходимых условий: преступление совершено впервые; совершено преступление небольшой или средней тяжести. Основанием освобождения от уголовной ответственности в данном случае является то, что: лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред; не возражает против прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа [2].

Стоит заметить, что на законодательном уровне правовое регулирование рассматриваемого института очень кратко. Эта краткость не является показателем простоты применения данного института, показателем уровня его значимости в уголовно-правовой политике государства. Наоборот, в трех статьях, которые к тому же еще закреплены в разных главах УК РФ, содержится такой сжатый и весьма глубокий объем информации, что каждое слово, каждое выражение нуждается в толковании, дабы было единое понимание правовых норм и единая практика применения. В связи с этим становятся необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, но и при имеющихся уже разъяснениях не все проблемы применения данного института разрешены, поэтому многие вопросы отводятся на

усмотрение суда. Так, исходя из фактической формулировки ст. 76.2 УК РФ «может быть освобождено судом», можно сделать вывод о том, что применение данной нормы является правом суда, но не обязанностью. Это подтверждает и судебная практика, когда, несмотря на наличие всех оснований и условий, суд отказывал в применении судебного штрафа [8].

Проблемным является вопрос определения размера судебного штрафа, так как законодатель определяет только верхний предел денежного платежа в пользу государства. Размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией за конкретное преступление. В случае отсутствия санкции в виде штрафа судебный штраф не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей (ч. 1 ст. 104.5 УК РФ). Соответственно, вопрос минимального размера судебного штрафа законодатель оставил на усмотрение суда.

В науке уголовного права ряд ученых полагают, что новая мера, без сомнения, является штрафом (как видом наказания). Они обосновывают это следующим. Во-первых, данная мера несет определенные имущественные ограничения для лица, во-вторых, размер данных ограничений зависит от характера совершенного деяния, следовательно, судебный штраф – это не что иное, как мера юридической ответственности, наказание [21, с. 2]. Кто-то, исходя из такого подхода отождествления «судебного штрафа» и «штрафа», скажет, что здесь нужно руководствоваться нормами, определяющими минимальный размер штрафа, как вида наказания, который закреплен в ч. 2 ст. 46 УК РФ. Но это не может быть верным, так как аналогия в уголовном законодательстве недопустима в силу прямого запрета (ст. 3 УК РФ). По этому поводу соответствующее разъяснение дает и Пленум Верховного Суда РФ в п. 7.1 постановления от 22 декабря 2015 г. №58: «судебный штраф, назначаемый на основании статьи 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», правила статьи 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются» [6].

Справедливо данный недостаток судебного штрафа отмечает М.Ю. Юсупов: «если судебный штраф будет назначен в размере 100 руб., а суд мотивирует это имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, то такое решение формально станет соответствовать закону» [23, с. 6]. А ведь «установленный судом размер судебного штрафа должен быть эффективной мерой уголовно-правового воздействия в отношении непосредственно самого обвиняемого» [16, с. 3].

Исходя из положений ч. 2 ст. 104.5 УК РФ, где законодатель определяет обстоятельства, которые обуславливают индивидуальность суммы судебного штрафа, стоит отметить, что законодатель апеллирует понятием «тяжесть совершенного преступления», но

нигде его не дефинирует. Вполне ясно и очевидно то, что установленный судом размер судебного штрафа должен варьироваться в зависимости от тяжести преступления, совершенного лицом. Но и в пределах одной категории тяжести преступлений могут находиться преступления с разными формами вины, с разной тяжестью последствий, что также должно учитываться судом и включаться в условие «тяжесть совершенного преступления», закрепленное законодателем. Так, например, похищение человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ) и кража с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ) относятся в соответствии с ч. 3 ст. 15 УК РФ к категории преступлений средней тяжести. Формы вины здесь совпадают, но тяжесть последствий разная, ценность объектов посягательства различна. Согласно ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». На первом месте мы видим человека, кроме этого, главным, естественным и неотъемлемым правом человека является право на жизнь. Поэтому степень общественной опасности и тяжесть совершенного преступления по ч. 1 ст. 126 УК РФ больше, чем по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Согласно уголовному законодательству к преступлениям небольшой или средней тяжести наряду с другими относятся и экономические преступления, и преступления против половой неприкосновенности, и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Здесь возникают сомнения в справедливости и целесообразности применения судебного штрафа к обвиняемым в совершении подобных преступлений.

Выше отмечалось необходимое основание для возможности применения нормы ст. 6.2 УК РФ – «возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда». На наш взгляд, законодатель слишком обтекаемо выразил данное требование. Возникают вопросы: как, каким образом следует заглаживать вред и в каком размере возмещать ущерб? И. В. Головинская приводит в пример статью 310 УК РФ [18, с. 6]. При совершении такого преступного деяния трудно представить способ возмещения ущерба и заглаживания вреда, так как лицо уже предало огласке сведения, а подвергнуть оценке влекомые данным преступлением последствия весьма сложно, и, скорее всего, невозможно. На данный вопрос до сих пор ни законодатель, ни судебные органы не дали разъяснений, вследствие чего складывается ситуация, когда не только лица, совершившие преступления, но имеющие порой желание исполнить данное требование, не знают, как это правильно сделать, но и судьи просто оказываются в безвыходной обстановке, понимая, что по ряду преступлений это сделать невозможно.

Анализируя судебную практику по Республике, Мордовия с января по сентябрь 2019 года, мы получили данные о размерах судебных штрафов: максимальный – составил 200 тысяч рублей [11], минимальный – 3 тысячи рублей [9].

Проблемным на сегодняшний день является вопрос о способе определения окончательного размера судебного штрафа в случае его применения к лицу, совершившему несколько преступлений. Учитывая, что нормативно этот вопрос не урегулирован, текущая судебная практика пошла по нескольким направлениям [22, с. 171]:

- поглощение менее строго размера судебного штрафа более строгим размером;
- суммирование размеров судебных штрафов;
- за все совершенные преступления, образующие совокупность, размер судебного штрафа определяется в целом без указания размера за каждый состав;
- за каждое преступление судебный штраф назначается самостоятельно.

По данному вопросу в уголовно-правовой науке высказывались различные предложения: о допустимости сложения судебных штрафов [19, с. 3]; об их самостоятельном назначении за каждое из совершенных преступлений и др. [20, с. 108; 17, с. 164-165]. Верховный Суд РФ здесь занял другую позицию, отметив, что поскольку суд освобождает лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа принятием одного решения, соответственно, и мера в виде судебного штрафа должна быть единой. При этом, разумеется, учитываются особенности и индивидуальные характеристики совершенных деяний. При определении размера судебного штрафа за несколько преступлений, суд должен учитывать более строгую санкцию имеющихся составов преступлений [7].

Продолжительность срока, предоставляемого лицу для уплаты судебного штрафа, законодательством не установлена, опять же в данном вопросе есть место для судейского усмотрения. Обычно данный срок равен сроку, определяемому законодателем для уплаты штрафа, как наказания (2 месяца). При анализе постановлений об освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, вынесенных в Республике Мордовия с января по сентябрь 2019 года, было установлено, что максимальным сроком уплаты судебного штрафа является 3 месяца [13] или 90 дней [11], минимальным – месяц [10] или 30 дней [9]. Относительно сроков можно отметить также, что суды по-разному определяют точку отсчета срока уплаты судебного штрафа: и с момента вынесения постановления [13], и с момента вступления постановления в законную силу [14]. Срок уплаты штрафа исчисляют и в днях [11], и в месяцах [13], и в сутках [12].

Из содержания статьи 104.5 УК РФ мы видим, что единственным основанием для отмены данной иной меры уголовно-правового характера является несоблюдение лицом установленных судом временных требований (сроков) по его уплате. Если буквально воспринимать указанные законодателем в данной статье положения, то получается, что, решая вопрос об отмене судебного штрафа, суд не смотрит на причины его неуплаты, на наличие злостного уклонения или отсутствие такового. Такая категоричность

законодательных формулировок об отмене решения о применении судебного штрафа вызывает возражения. Более того, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №19 определяются обстоятельства, которые можно признавать уважительными причинами неуплаты судебного штрафа. В частности, по мнению Верховного Суда РФ, таковыми «могут считаться такие появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования обстоятельства, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (например, нахождение на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица)» [5]. В связи с этим, полагаем, что вполне логичным будет, если законодатель уточнит соответствующую норму закона и предоставит суду возможность продлевать срок уплаты судебного штрафа. Иначе установление уважительности причины неуплаты судебного штрафа не будет иметь никакого значения.

Итак, исследуя вопросы, связанные с определением размера судебного штрафа, следует отметить, что закон прерогативу прекращения дела или преследования, назначение судебного штрафа, определение его размера передает судебным органам. Думается, что правоприменитель, используя дифференцированный и строго индивидуальный подход к каждому преступлению и каждому лицу, совершившему данное преступление, сможет в полной мере достичь целей уголовного права.

Анализируя сложности определения размера судебного штрафа и сроков его уплаты, представляется, что внесение законодателем уточнений в текст закона и дача Верховным Судом РФ разъяснений по возникающим вопросам в результате практики применения данного института, на наш взгляд, могли бы в значительной степени снять напряжение и, наоборот, поспособствовали активизации применению нового основания освобождения от уголовной ответственности, помогли сделать еще один необходимый шаг к достижению единства судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.10.2020 г.)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 13 июня 1996 г. Федеральный закон №63-ФЗ (по сост. на 31 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18 июня.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 18 декабря 2001 г. Федеральный закон №174-ФЗ (по сост. на 31 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 2001. – 22 декабря.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ // Рос. газ. – 2016. – 8 июля.
5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №19 (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // Рос. газ. – 2013. – 5 июля.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. №58 (в ред. от 18 декабря 2018 г.) // Рос. газ. – 2015. – 29 декабря.
7. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 01.10.2020).
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 августа 2018 г. по делу №10-13320/2018 в отношении М. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 01.10.2020).
9. Постановления Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 13 февраля 2019 г. по делу №1-28/2019 в отношении Л. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в отношении Н. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в отношении С. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в отношении С. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ; в отношении Ч. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/LqFEG6dbVeVO/>? (дата обращения 01.10.2020).
10. Постановление Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 19 июня 2019 г. по делу №1-223/2019 в отношении Ф. по ч. 1 ст. 285 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/bb7iN5VGby1K/>? (дата обращения 01.10.2020).
11. Постановление Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 26 июня 2019 г. по делу №1-230/2019 в отношении Б. по ч.1 ст. 172, п. «б» ч. 2 ст. 173.1, п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/bb7iN5VGby1K/>? (дата обращения 01.10.2020).
12. Постановление Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 8 августа

- 2019 г. по делу №1-183/2019 в отношении М. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KzFI41AxmM6F/?> (дата обращения 01.10.2020).
13. Постановление Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 9 августа 2019 г. по делу №1-264/2019 в отношении Б. по ч. 1 ст. 199.2 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/g7Noelo5yxoo/?> (дата обращения 01.10.2020).
14. Постановление Торбеевского районного суда Республики Мордовия от 25 сентября 2019 г. по делу №1-2-15/2019 в отношении К. по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ZY2UgvZHbdrP/?> (дата обращения 01.10.2020).
15. Анощенкова С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2017. – №7. – С. 114-125.
16. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 6 с. (дата обращения 01.10.2020).
17. Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). – М.: Юрлитинформ, 2018. – 220 с.
18. Головинская И. В. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 8 с. (дата обращения 01.10.2020).
19. Кудрявцева А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 9 с. (дата обращения 1.10.2020 г.).
20. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. – 2017. – №7. – С. 106-114.
21. Трофимова Г. А. Судебный штраф – альтернатива? [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 6 с. (дата обращения 01.10.2020).
22. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов: в 2 т. Том 2 / отв. ред. Подройкина И. А. – М.: Юрайт, 2020. – 280 с.
23. Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 6 с. (дата обращения 01.10.2020).

НАРБЕКОВА А. В., НЕСТЕРОВА Т. И.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУПРУГА

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о правовом режиме доходов, полученных супругом от предпринимательской деятельности. Предлагается установить возможность проведения оценки стоимости доли в хозяйственном обществе на момент расторжения брака. Выявлено отсутствие единообразного подхода к оспариванию сделок, связанных с изменением размера уставного капитала хозяйственного общества.

Ключевые слова: супруг, предпринимательская деятельность, доля в ООО, доход, сделка, раздел имущества.

NESTEROVA T. I., NARBKOVA A. V.

BUSINESS ACTIVITIES OF SPOUSE

Abstract. The article covers the issue of the legal regime of the income received by the spouse from business activities. The authors propose an opportunity to evaluate the shares in the company at the time of divorce case. The study reveals the incoherence of challenging transactions related to the change of the size of business company charter capital.

Keywords: spouse, business activity, share in LLC, income, transaction, division of marital property.

В современных условиях развития экономики осуществление предпринимательской деятельности супругами или одним из супругов является распространенным явлением. В связи с тем, что такая предпринимательская деятельность регулируется комплексно, а именно семейным, гражданским и корпоративным правом, на практике возникают некоторые проблемы в связи с тем, что к отношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство.

Анализируя судебную практику, можем отметить, что большое количество споров между бывшими супругами возникает относительно раздела доходов от предпринимательской деятельности. Данные споры вызваны сложностью определения точного размера прибыли, а также определения правового режима имущества, на основании которого ведется бизнес.

Важно отметить, что в соответствии с определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2019 г. №81-КГ 19-2, индивидуальная предпринимательская деятельность не является объектом права и не может быть разделена между супругами [4]. Следовательно, предметом раздела будет являться прибыль, получаемая от предпринимательской деятельности и имущество, приобретенное в период

ведения бизнеса.

Самый важный вопрос в данной сфере: являются ли доходы совместной собственностью супругов, если имущество для предпринимательской деятельности относится к личной собственности супруга-предпринимателя.

Согласно ст. 136 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи. Исходя из данной нормы, мы видим, что доходы, полученные от вещи, принадлежащей одному из супругов, будут считаться доходами этого супруга-собственника. Следовательно, по гражданскому законодательству доходы, полученные от личного имущества супругов в предпринимательской деятельности, не являются совместной собственностью супругов.

В соответствии со ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1], к отношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство. Однако сложность состоит в том, что не все гражданско-правовые нормы могут быть применены к семейным правоотношениям, следовательно, очень важно удостовериться, что применяемые гражданские нормы не противоречат существу семейных отношений.

В рассматриваемом нами случае полагаем, что ст. 136 ГК РФ не соответствует содержанию семейных отношений и не может быть применена к регулированию осуществления бизнеса супругами-предпринимателями, поскольку доходы, полученные от осуществления предпринимательской деятельности, являются совместной собственностью супругов в соответствии со ст. 34 СК РФ. Таким образом, полагаем, что если ведение предпринимательской деятельности осуществляется на основе личного имущества одного из супругов, то доходы от осуществления подобной предпринимательской деятельности все-таки относятся к совместной собственности супругов.

Также изучая судебную практику, мы обратили внимание на проблемный аспект относительно момента определения стоимости доли супруга (как участника) в хозяйственных обществах. Рассмотрим пример из судебной практики.

Гражданка Б. обратилась в суд с иском к гражданину В. о разделе совместно нажитого имущества, в составе которого выступала 50% доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Гражданка Б. полагает, что ей причитается $\frac{1}{2}$ доли на основании данных бухгалтерского учета по состоянию на период распада семьи (31 декабря 2016 г.). Однако суд не согласился с требованиями истицы и ссылается на п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [3],

согласно которому стоимость имущества, подлежащего разделу, определяется на время рассмотрения дела. Таким образом, суд отклонил доводы гражданки Б. и установил размер доли на основании данных бухгалтерского учета по состоянию на момент рассмотрения дела (истец обратился в суд в октябре 2017 г., в связи, с чем оценка доли осуществлялась по состоянию на 31 декабря 2017 г.) [5].

На наш взгляд, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ №15 от 05.11.1998 г. относительно долей в хозяйственных обществах не может быть применен, поскольку велика вероятность злоупотребления правом супругом-собственником доли в сторону уменьшения доли. Считаем, что стоимость доли должна определяться на момент расторжения брака.

Изучая судебную практику относительно оспаривания сделок, связанных с изменением размера уставного капитала, мы выявили, что на настоящий момент в подобных судебных спорах отсутствует единообразный подход. По спорам, связанным с увеличением уставного капитала общества за счет вклада третьего лица, нами были выявлены два разных подхода по разрешению судами разногласий относительно распоряжения имуществом супругов.

Первый подход – увеличение уставного капитала общества за счет вклада третьего лица, в результате которого происходит перераспределение доли супруга в меньшую сторону, свидетельствует о нарушении прав на совместно нажитое имущество супругов, следовательно, данная сделка является недействительной.

8 апреля 2018 г. между гражданкой О. и гражданином Д. был расторгнут брак. В сентябре 2017 г. гражданка О. выяснила, что бывшим супругом была совершена сделка по распоряжению общим совместно нажитым имуществом в период брака: уменьшение своей доли в уставном капитале общества со 100% до 10% путем внесения вклада гражданкой Л. (матери гражданина Д.). В связи с тем, что гражданка О. посчитала данную сделку совершенной лишь для вида, с целью вывести из совместной собственности супругов 100%-ой доли в уставном капитале общества, она обратилась в суд с требованием о признании недействительной сделки по увеличению уставного капитал и применении последствий недействительности сделки путем восстановления размера уставного капитала с 200 000 рублей до 20 000 рублей и восстановлении доли гражданина Д. в уставном капитале общества, а также восстановления состава участников общества, существовавшего до совершения спорной сделки.

Гражданин Д. с требованиями гражданки О. не согласился и заявил, что он являлся единственным участником общества и воспользовался правом о принятии решения об увеличении уставного капитал, кроме того, никакой выгоды от данного действия он не

приобрел, из состава участников не был исключен, номинальная стоимость его доли не изменилась. Ответчик полагает, что увеличение уставного капитала общества было обосновано целесообразностью заключения сделки с публичным акционерным обществом для улучшения финансового состояния общества. Также гражданин Д. ссылается на то, что сделка была заключена в период брака.

Гражданин Д. ссылается на то, что его бывшая супруга была осведомлена о совершении сделки, направленной на увеличение уставного капитала общества. Также гражданка Л. утверждает, что не знала о том, что брачные отношения ее сына и гражданки О. находятся на грани расторжения.

Поскольку сделка была совершена в сентябре 2017 г., что очевидно свидетельствует о том, что между бывшими супругами присутствовал кризис в брачных отношениях и лицо, внесшее вклад в уставный капитал, является близким родственным лицом – матерью, которая не могла не знать о предстоящем расторжении брака между гражданами Д. и О., суд пришел к выводу о том, что ответчики не имели намерения создать наиболее благоприятное экономическое состояние для общества, а пытались уменьшить размер доли, относящийся к совместной собственности супругов. Кроме того, данная сделка была совершена без нотариального удостоверения, вследствие чего видно злоупотребление ответчиками своими правами при совершении сделки по перераспределению долей, соответственно направлена на ущемление прав гражданки О. при разделе совместно нажитого имущества [7].

Второй подход – увеличение уставного капитала общества за счет вклада третьего лица, в результате которого происходит перераспределение доли супруга в меньшую сторону, не свидетельствует о нарушении прав на совместно нажитое имущество супругов, следовательно, данная сделка не является недействительной.

17 июля 2017 г. брак между гражданами А. и Р. был расторгнут. В период брака, а именно в 2014 г., гражданином Р. было создано общество с ограниченной ответственностью, в котором он являлся единственным участником. 14 ноября 2016 г. в состав участников общества была принята гражданка В. (мать гражданина Р.) и уставный капитал общества был увеличен со с 100 000 рублей до 2 000 000 рублей, путем внесения денежных средств гражданкой Р. в размере 1 900 000 рублей. Таким образом, доля в уставном капитале общества у гражданина Р. уменьшилась со 100% до 5%.

Гражданка А., полагая, что данная сделка по распоряжению совместным нажитым имуществом супругов путем перераспределения долей является мнимой, обратилась в суд с исковым заявлением о признании сделки об изменении состава учредителей и стоимости доли недействительной, о восстановлении доли гражданина Р., о внесении изменений в ЕГРЮЛ об исключении гражданки В. из состава участников общества.

Рассматривая данное дело, суд сослался на отсутствие доказательств недействительности сделки, а именно: отсутствие доказательств, подтверждающих осведомленность гражданки В. (матери гражданина Р.) относительно намерения увеличить уставный капитал; наличие родственных отношений между гражданами В. и Р. не свидетельствует о разногласиях в брачных отношениях и спорах о разделе общего имущества.

На основании вышеизложенного, суд признал необоснованным довод истца о том, что увеличение уставного капитала общества путем внесения вклада за счет третьего лица, свидетельствует о нарушении прав истицы на совместное имущество [6].

По результатам рассмотрения двух судебных решений по спорам о перераспределении долей в уставном капитале юридических лиц можно установить, что суды по-разному толкуют увеличение доли в контексте распоряжения общим имуществом супругов. Полагаем, что первый подход является наиболее обоснованным и такие сделки нужно признавать недействительными, так как перераспределение долей происходит незадолго до расторжения брака, кроме того, лицом, внесшим вклад, являются лица, находящиеся в близких родственных связях. Данные обстоятельства свидетельствуют, что супруг, перераспределяя доли, имеет намерения вывести имущество из совместной собственности супругов при его разделе.

Согласимся с выводом А. Н. Левушкина, сделанным на основе судебной практики, о том, что нотариально удостоверенное согласие требуется в случае заключения договора по отчуждению доли в уставном капитале общества, подлежащего нотариальному удостоверению, так как исходя из п. 2 ст. 34 СК РФ доли в обществе, приобретенные за счет общих доходов, являются общим имуществом супругов [8, с. 50].

В данной статье рассмотрена лишь часть проблем, возникающих на практике при осуществлении предпринимательской деятельности супругом. На самом деле таких проблемных аспектов множество. В связи с этим мы полагаем, что необходимо сформировать нормативную базу, регулиующую правовое положение супруга-предпринимателя, а также правовой режим имущества, используемого в бизнесе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс Российской Федерации. Принят 29.12.1995 г. Федеральный закон №223-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 25.09.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят 30.11.1994 г. Федеральный закон №51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: справ.-правовая система

«Консультант плюс» (дата обращения 25.09.2020).

3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. №15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 25.09.2020).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2019 г. №81-КГ 19-2[Электронный ресурс]. – Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 25.09.2020).

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2019 г. по делу №33-46112/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2102701866016723882518794597&cacheid=1A94B483F02C5F26643D5AAB727A270B&mode=splus&base=SOCN&n=1221500&rnd=0.509021254143857#1rw0ssdb9ix> (дата обращения 13.10.2020).

6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2019 г. по делу №А53-14608/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=200375537403279925583875809&cacheid=97EA026767808575ED69A42D62494424&mode=splus&base=RAPS015&n=180211&rnd=0.6453401280853999#1dosmhj6kf2> (дата обращения 09.05.2020).

7. Постановление Арбитражного апелляционного суда от 14 июня 2019 г. по делу №А26-7161/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=200375537403279925583875809&cacheid=BB07AC73156D2D24D7925A2425DC025A&mode=splus&base=RAPS013&n=279101&rnd=0.6453401280853999#1ga46bxx9aj> (дата обращения 09.05.2020).

8. Левушкин А. Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 47-55.

ЧИРАНОВА И. П., РОДИОНОВА А. С.
РУКОВОДИТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК СУБЪЕКТ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового положения руководителя коммерческой организации как субъекта ряда правовых отраслей. Изучены причины двойственности его правового положения, обоснована необходимость повышенного в сравнении с другими работниками размера материальной ответственности руководителя коммерческой организации.

Ключевые слова: вред, единоличный исполнительный орган, материальная ответственность, правовой статус, работник, руководитель, труд, ущерб.

CHIRANOVA I. P., RODIONOVA A. S.
HEAD OF COMMERCIAL ORGANIZATION
AS SUBJECT OF LABOUR LEGAL RESPONSIBILITY

Abstract. This article presents a study of the legal status of the head of a commercial organization as a subject of labour legal responsibility. The study considers the reasons for the dual legal status of the head of a commercial organization. The need for increased financial liability of the head of a commercial organization in comparison with other employees is justified.

Keywords: harm, sole executive body, financial liability, legal status, employee, head of commercial organization, labour, damage.

Институт материальной ответственности – один из сложных для понимания и практического применения институтов трудового права. Данные судебной статистики свидетельствуют, что трудовые споры, связанные с привлечением работников к материальной ответственности, ежегодно регистрируются судами различных регионов и требуют единообразного подхода к их разрешению. Судами разъясняются сложные вопросы применения законодательства о материальной ответственности, анализируется практика рассмотрения дел о материальной ответственности в Российской Федерации в целом и в отдельных ее субъектах, например, в Республике Мордовия [1]. Проблематика привлечения к материальной ответственности затрагивается в трудах исследователей разных поколений, но до настоящего времени остается много нерешенных проблем. Среди них – привлечение к материальной ответственности руководителя коммерческой организации. Причин тому несколько.

Одна из причин неоднозначного толкования вопрос материальной ответственности руководителя организации – *особый статус работника под названием «руководитель»*.

Особенность его положения состоит в возможности выступать субъектом ряда правовых отраслей. Легальное определение руководителю организации как работнику дает ст. 273 ТК РФ, определяющая его как физическое лицо, осуществляющее руководство этой организацией, выполняющее функции ее исполнительного органа. Заключив трудовой договор с учредителем (собственником) организации, руководитель становится субъектом трудового права – он выполняет трудовую функцию, заключающуюся в управлении деятельностью организации, наделен властными полномочиями в отношении других работников и следующей за ними повышенной ответственностью. С позиций административного права руководитель организации выступает в роли должностного лица и лично несет ответственность за невыполнение организацией ряда требований законодательства о труде, охране труда, защите персональных данных, миграционного законодательства и пр. С позиций гражданского (корпоративного) права руководитель коммерческой организации выступает субъектом отношений по обеспечению деятельности юридического лица, осуществляет функции ее единоличного исполнительного органа, при этом сам подчиняется другим органам этого юридического лица, действует добросовестно и разумно в интересах представляемой им организации, в том числе коммерческой. И. А. Костян обращает внимание на нетождественность понятия «руководитель организации» понятию единоличного исполнительного органа, поскольку функции последнего помимо руководителя могут выполняться и индивидуальным предпринимателем, и юридическим лицом. Вместе с тем, автор пишет, что причиной использования данных терминов как синонимов выступает объединение в один акт двух этапов образования органа юридического лица – принятие организацией решения: 1) об исполнении функций единоличного органа физическим лицом и 2) наделении конкретного физического лица полномочиями [2].

Основанием для приобретения всех перечисленных выше правовых статусов руководителем организации будут: а) избрание (утверждение) или назначение в должности руководителя в порядке, предусмотренном законодательством об организационно-правовых формах юридических лиц (ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации – далее ТК РФ [3]); заключение трудового договора в соответствии с состоявшимися процедурами; издание приказа о приеме на работу. В результате руководитель организации становится обладателем комплекса прав и обязанностей работника, помноженных на необходимость действовать добросовестно и разумно в интересах выбравших его в качестве своего полномочного представителя собственников (учредителей) юридического лица (коммерческой) организации. В своей деятельности он руководствуется как нормами трудового, так и гражданского (корпоративного), административного права, переделит приоритет в

применении которых невозможно – в зависимости от контекста отношений, в которые он вступает, на первое место могут выходить нормы различных отраслей. А вот от качества работы руководителя зависит и само существование организации, и ее коммерческий успех. Невыполнение возложенных на руководителей обязанностей может причинить значительный имущественный ущерб организации, а равно ее учредителям. Как его возместить? И здесь начинаются сложности, связанные с *нерешенными до конца вопросами соотношения норм трудового и гражданского (корпоративного) права в части имущественной ответственности руководителя коммерческой организации.*

Если исходить из понимания руководителя как работника, лишь выполняющего функции единоличного исполнительного органа, необходимо признать отношения, связанные с возмещением имущественного ущерба, отношениями по материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю. Возможность привлечения руководителя организации к ответственности за причиненный его действиями вред признавалась и в советское время. Так, в силу ст. 214 КЗоТ РФ руководитель организации отвечал в пределах трехмесячного должностного оклада в случаях, если признавался виновным в незаконных переводах и увольнениях своих работников и должен был возместить работодателю расходы на выплату заработной платы за время вынужденного прогула или выполнения нижеоплачиваемой работы [4].

В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 277 ТК РФ руководитель организации несет полную материальную ответственность за любой прямой действительный ущерб, причиненный работодателю. Верховный суд РФ уточняет, что работодатель вправе требовать полного возмещения ущерба вне зависимости от наличия такого условия в трудовом договоре с организацией [5]. На руководителей организации в полном объеме распространяются правила об основаниях, условиях наступления материальной ответственности работников, обстоятельствах, освобождающих от ее наступления, к ним применимы и процедурные нормы о порядке привлечения к материальной ответственности.

Тем не менее в части второй ст. 277 ТК РФ предусмотрена возможность в случаях, предусмотренных федеральным законом, взыскивать с руководителя организации убытки, причиненные в результате его действий и исчисленные по нормам гражданского законодательства. Следовательно, предусматривается возможность возмещения работником неполученных доходов работодателя. Справедливо ли это? До недавнего времени этот вопрос ставился применительно только к руководителям отдельных юридических лиц: среди федеральных законов, устанавливающих основания для возмещения убытков руководителями организации Верховный суд РФ называл Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14 ноября 2002 г. № 161-

ФЗ (ст. 25), «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 108 (ст. 71), «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ст. 44) [6]. Однако после дополнения Гражданского кодекса РФ [7] статьей 53.1 ситуация стала интереснее – абсолютно все собственники (учредители) получили право привлекать к ответственности руководителя организации, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей он действовал недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. По сути, в научной литературе заговорили о том, что Гражданский кодекс РФ провозгласил в качестве общего правила гражданско-правовую ответственность единоличного органа юридического лица как ключевой фигуры корпоративных отношений, следовательно, надобности в ст. 277 ТК РФ больше нет.

Полагаем, для подобных заявлений достаточные основания отсутствуют. Руководитель коммерческой организации даже в условиях действия обновленной редакции Гражданского кодекса РФ продолжает оставаться работником, выполнять трудовую функцию на основании заключенного трудового договора, а значит к его работе, к отношениям, возникшим на основании заключенного трудового договора, не допускается в силу ст. 11, 15 ТК РФ применение гражданского законодательства. Вопросы возмещения вреда, причиненного в процессе трудовой деятельности, должны тоже регламентироваться нормами ТК РФ. Руководитель коммерческой организации несет материальную ответственность, основание которой – вред, причиненный в результате совершения трудового правонарушения. Объективную сторону этого правонарушения составляет неисполнение обязанностей, закреплённых трудовой функцией работника - руководителя, а эти обязанности, свою очередь, могут быть на руководителя организации могут быть возложены нормами трудового, гражданского, административного права. Законодатель лишь допускает в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, а именно в случае недобросовестного и неразумного поведения руководителя организации, причинившего убытки, совместное применение норм трудового и гражданского законодательства при определении размера их возмещения. Конституционный суд Российской Федерации, рассматривая жалобу гражданина В. Х. Ситдикова в Определении № 3445-О от 19 декабря 2019 г. не увидел в возможности применения для целей определения размера взыскиваемых убытков норм ГК РФ в трудовых отношениях нарушения трудовых прав руководителей организации. Суд подчеркнул, что такая возможность как раз и обусловлена спецификой трудовой деятельности руководителя организации, его местом и ролью в механизме управления организацией.

Считаем, что повышенная материальная ответственность руководителя, в том числе коммерческой организации, должна сохраниться. Она должна быть выше, чем у рядовых работников, так как его круг прав и обязанностей значительно шире и от его действий в большинстве случаев зависит деятельность всего юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чиранова И. П. О некоторых проблемах определения срока обращения в суд по спорам о материальной ответственности работника // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Том 15. № 5. – С. 262-266.
2. Костян И. А. Руководитель организации как субъект права: размышления на тему // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 57-60.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 28.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
4. Кодекс законов о труде Российской Федерации, утв. ВС РСФСР 09.12.1971 (утратил силу с 1 февраля 2002 г. в связи с принятием Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обновления 21.10.2020).
5. О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работника за ущерб, причиненный работодателю: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации. № 52 от 16 ноября 2006 г. № 52 (в ред. от 28.10.2010). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обновления 21.10.2020).
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителей организации и членов коллегиального исполнительного органа организации: Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации. № 21 от 2 июня 2015 г. № 21 // Рос. газ. 2015. 10 июня (№124).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.